

Левъ Троцкій

Перспективы русской революціи

Berlin
J. Ladyschnikow Verlag G. m. b. H.

Левъ Троцкій

Перспективы русской революціи

Берлинъ
Изданіе Т-ва И. П. Ладыжникова

Настоящее произведеніе Льва Троцкаго, одного изъ вдохновителей ноябрьской революціи и члена правительства народныхъ комиссаровъ въ Россіи, написано авторомъ лѣтъ десять тому назадъ и опубликовано имъ въ видѣ заключенія къ его исторіи революціи 1905/6гг. Переиздавая теперь это произведеніе, мы задались цѣлью ознакомить читателей съ основными взглядами автора на характеръ и задачи русской революціи. Взгляды эти, насколько можно судить по выступленіямъ Троцкаго, въ своихъ существенныхъ частяхъ не измѣнились. Ихъ связное, цѣльное изложеніе поможетъ читателю разобраться въ положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ ноябрьской революціи, въ которой Троцкій, рядомъ съ Ленинымъ, занялъ руководящее положеніе.

Берлинъ, декабрь 1917г.

Издательство.

Революція 1905 г. въ Россіи явилась неожиданностью для всѣхъ, кромѣ соціалдемократіи. Марксизмъ давно предсказалъ неизбѣжность русской революціи, которая должна была разразиться въ результатѣ столкновенія силъ капиталистическаго развитія съ силами коснаго абсолютизма. Марксизмъ заранѣе оцѣнилъ соціальное содержаніе грядущей революціи. Называя ее буржуазной, онъ указывалъ тѣмъ, что непосредственныя объективныя задачи революціи состоятъ въ созданіи «нормальныхъ» условій для развитія буржуазнаго общества въ его цѣломъ.

Марксизмъ оказался правъ, — и этого уже не приходится ни оспаривать, ни доказывать. Передъ марксистами стоитъ задача совершенно иного рода: путемъ анализа внутренней механики развивающейся революціи вскрыть ея «возможности». Было бы грубой ошибкой просто отождествить нашу революцію съ событіями 1789—93 или 48 годовъ. Историческія аналогіи, которыми питается и живетъ либерализмъ, не могутъ замѣнить соціальнаго анализа.

Русская революція имѣетъ совершенно своеобразный характеръ, который является итогомъ особенностей всего нашего общественно-историческаго развитія и который, въ свою очередь, раскрываетъ совершенно новыя историческія перспективы.

---

1. Особенности историческаго развитія.

Если сравнивать общественное развитіе Россіи съ развитіемъ европейскихъ странъ, взявъ у этихъ

послѣднихъ за скобки то, что составляетъ ихъ наиболѣе сходныя общія черты и что отличаетъ ихъ исторію отъ исторіи Россіи, то можно сказать, что основной чертой русскаго общественнаго развитія является его сравнительная примитивность и медленность.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться на естественныхъ причинахъ этой примитивности, но самый фактъ мы считаемъ несомнѣннымъ: русская общественность складывалась на болѣе первобытномъ и скудномъ экономическомъ основаніи.

Марксизмъ учитъ, что въ основѣ соціально-историческаго движенія лежитъ развитіе производительныхъ силъ. Сложеніе экономическихъ корпорацій, классовъ и сословій, возможно лишь на извѣстной высотѣ этого развитія. Для сословно-классовой дифференціаціи, которая опредѣляется развитіемъ раздѣленія труда и созданіемъ болѣе спеціализированныхъ общественныхъ функцій, необходимо, чтобы часть населенія, занятая непосредственно матеріальнымъ производствомъ, создавала добавочный продуктъ, избытокъ сверхъ собственнаго потребленія: только путемъ отчужденія этого избытка могутъ возникнуть и сложиться непроизводительные классы. Далѣе, внутри самихъ производительныхъ классовъ мыслимо раздѣленіе труда лишь на извѣстной высотѣ развитія земледѣлія, способной обезпечить продуктами земли неземледѣльческое населеніе. Эти основныя положенія соціальнаго развитія были точно формулированы еще Адамомъ Смитомъ.

Отсюда само собою вытекаетъ, что хотя новгородскій періодъ нашей исторіи совпадаетъ съ началомъ средне-вѣковой исторіи Европы, но медленный темпъ экономическаго развитія, вызывавшійся естественно-историческими условіями (менѣе благопріятная географическая среда и рѣдкость населенія), долженъ былъ задержать процессъ классового фор-

мированія и придать ему болѣе примитивный характеръ.

Трудно разсуждать, какъ сложилась бы исторія русской общественности, еслибъ она протекла изолированно, подъ вліяніемъ однѣхъ внутреннихъ тенденцій. Достаточно, что этого не было. Русская общественность, слагавшаяся на извѣстной внутренней экономической основѣ, неизмѣнно находилась подъ вліяніемъ и даже давленіемъ внѣшней соціально-исторической среды.

Въ процессѣ столкновеній этой слагавшейся общественно-государственной организаціи съ другими, сосѣдними, рѣшительную роль играла, съ одной стороны, примитивность экономическихъ отношеній, съ другой — относительная ихъ высота.

Русское государство, складывавшееся на первобытной экономической базѣ, вступало въ отношенія и приходило въ столкновенія съ государственными организаціями, сложившимися на болѣе высокомъ и устойчивомъ экономическомъ основаніи. Тутъ были двѣ возможности: либо русское государство должно было пасть въ борьбѣ съ ними, какъ пала Золотая Орда въ борьбѣ съ московскимъ государствомъ; либо русское государство должно было въ своемъ развитіи обгонять развитіе экономическихъ отношеній и поглощать гораздо больше жизненныхъ соковъ, чѣмъ это могло бы имѣть мѣсто при изолированномъ развитіи. Для перваго исхода русское хозяйство оказалось недостаточно примитивнымъ. Государство не разбилось, а стало расти при страшномъ напряженіи народно-хозяйственныхъ силъ.

Суть такимъ образомъ не въ томъ, что Россія была окружена врагами со всѣхъ сторонъ. Одного этого недостаточно. Въ сущности это относится и ко всякому другому изъ европейскихъ государствъ, кромѣ развѣ Англіи. Но въ своей взаимной борьбѣ за существованіе эти государства опирались на при-

близительно однородный экономическій базисъ и потому развитіе ихъ государственности не испытывало такихъ могучихъ внѣшнихъ давленій.

Борьба съ крымскими и ногайскими татарами вызывала большое напряженіе силъ. Но, разумѣется, не большее, чѣмъ вѣковая борьба Франціи съ Англіей. Не татары вынудили Русь ввести огнестрѣльное оружіе и создать постоянные стрѣлецкіе полки; не татары заставили впослѣдствіи создать рейтарскую конницу и солдатскую пѣхоту. Тутъ было давленіе Литвы, Польши и Швеціи.

Въ результатѣ этого давленія Западной Европы государство поглощало непропорціонально большую долю прибавочнаго продукта, т. е. жило за счетъ формировавшихся привилегированныхъ классовъ, и тѣмъ задерживало ихъ и безъ того медленное развитіе. Но мало этого. Государство набрасывалось на «необходимый продуктъ» земледѣльца, вырывало у него источники его существованія, сгоняло его этимъ съ мѣста, котораго онъ не успѣлъ обогрѣть, — и тѣмъ задерживало ростъ населенія и тормозило развитіе производительныхъ силъ. Такимъ образомъ, поскольку государство поглощало непропорціонально большую долю прибавочнаго продукта, оно задерживало и безъ того медленную сословную дифференціацію; поскольку же оно отнимало значительную долю необходимаго продукта, оно разрушало даже и тѣ примитивныя производственныя основы, на какія опиралось.

Но для того, чтобы существовать, функціонировать и, значитъ, прежде всего отчуждать необходимую часть общественнаго продукта, государство нуждалось въ сословно-іерархической организаціи. Вотъ почему, подкапываясь подъ экономическія основанія ея роста, оно стремится въ то же время форсировать ея развитіе мѣрами государственнаго порядка, — и, какъ и всякое другое государство, стремится

отвести этотъ процессъ сословнаго формированія въ свою сторону. Историкъ русской культуры, г. Милюковъ, видитъ въ этомъ прямую противоположность съ исторіей Запада. Противоположности здѣсь нѣтъ.

Средневѣковая сословная монархія, развившаяся въ бюрократическій абсолютизмъ, представляла собою государственную форму, закрѣплявшую опредѣленные соціальные интересы и отношенія. Но у этой государственной формы, самой по себѣ, разъ она возникла и существовала, были свои собственные интересы (династическіе, придворные, бюрократическіе . . .), которые приходили въ конфликты съ интересами сословій, не только низшихъ, но и высшихъ. Господствующія сословія, которыя составляли соціально-необходимое «средостѣніе» между народной массой и государственной организаціей, давили на эту послѣднюю и дѣлали свои интересы содержаніемъ ея государственной практики. Но въ то же время государственная власть, какъ самостоятельная сила, разсматривала даже интересы высшихъ сословій подъ своимъ угломъ зрѣнія и, развивая сопротивленіе ихъ притязаніямъ, стремилась подчинить ихъ себѣ. Дѣйствительная исторія отношеній государства и сословій шла по равнодѣйствующей, опредѣлявшейся соотношеніемъ силъ.

Однородный въ основѣ своей процессъ происходилъ и въ Руси.

Государство стремилось использовать развивающіяся экономическія группы и подчинить ихъ своимъ спеціализированнымъ финансовымъ и военнымъ интересамъ. Возникающія экономически-господствующія группы стремились использовать государство для закрѣпленія своихъ преимуществъ въ видѣ сословныхъ привилегій. Въ этой игрѣ соціальныхъ силъ равнодѣйствующая гораздо дальше отклонялась въ сторону государственной власти, чѣмъ это имѣло мѣсто въ западно-европейской исторіи.

Тотъ обмѣнъ услугъ — за счетъ трудящагося народа — между государствомъ и верхними общественными группами, который выражается въ распредѣленіи правъ и обязанностей, тяготъ и привилегій, складывался у насъ къ меньшей выгодѣ дворянства и духовенства, чѣмъ въ средневѣковыхъ сословныхъ государствахъ Западной Европы. Это несомнѣнно. И, тѣмъ не менѣе, страшнымъ преувеличеніемъ, нарушеніемъ всякихъ перспективъ, будетъ сказать, что въ то время, какъ на Западѣ сословія создавали государство, у насъ государственная власть въ своихъ интересахъ создавала сословія (Милюковъ).

Сословія не могутъ быть созданы государственнымъ, юридическимъ путемъ. Прежде, чѣмъ та или другая общественная группа сможетъ при помощи государственной власти опериться въ привилегированное сословіе, она должна сложиться экономически во всѣхъ своихъ соціальныхъ преимуществахъ. Сословій нельзя фабриковать, по заранѣе созданной табели о рангахъ или по уставу Légion d'honneur. Государственная власть можетъ лишь со всѣми своими орудіями притти на помощь тому элементарному экономическому процессу, который выдвигаетъ верхнія, экономическія формаціи. Русское государство, какъ мы указали, поглощало относительно очень много силъ и тѣмъ задерживало процессъ соціальной кристаллизаціи, но оно само же нуждалось въ ней. Естественно, если оно подъ вліяніемъ и давленіемъ болѣе дифференцированной западной среды, давленіемъ, передававшимся черезъ военно-государственную организацію, стремилось, въ свою очередь, форсировать соціальную дифференціацію на примитивной экономической основѣ. Далѣе. Такъ какъ самая потребность въ форсированіи вызывалась слабостью соціально-экономическихъ образованій, то естественно, если государство, въ своихъ попечительныхъ усиліяхъ, стремилось использовать перевѣсъ

своей силы, чтобы самое развитіе верхнихъ классовъ направить по своему усмотрѣнію. Но по пути къ достиженію большихъ успѣховъ въ этомъ направленіи государство наталкивалось въ первую очередь на свою собственную слабость, на примитивный характеръ своей собственной организаціи, который, какъ мы уже знаемъ, опредѣлялся примитивностью соціальной структуры.

Такимъ образомъ русское государство, создавшееся на основѣ русскаго хозяйства, толкалось впередъ дружескимъ и особенно враждебнымъ давленіемъ сосѣднихъ государственныхъ организацій, выросшихъ на болѣе высокой экономической основѣ. Государство съ извѣстнаго момента — особенно съ конца XVII в. — изо всѣхъ силъ старается ускорить естественное экономическое развитіе. Новыя отрасли ремесла, машины, фабрики, крупное производство, капиталъ представляются, съ извѣстной точки зрѣнія, какъ бы искусственной прививкой къ естественному хозяйственному стволу. Капитализмъ кажется дѣтищемъ государства.

Съ этой точки зрѣнія можно, однако, сказать, что вся руская наука есть искусственный продуктъ государственныхъ усилій, искусственная прививка къ естественному стволу національнаго невѣжества[1]).

Русская мысль, какъ и русская экономика, развивались подъ непосредственнымъ давленіемъ болѣе высокой мысли и болѣе развитой экономики Запада. Такъ какъ при натурально-хозяйственномъ характерѣ экономики, значитъ, при слабомъ развитіи

---

[1]) Достаточно вспомнить характерныя черты первоначальныхъ отношеній государства и школы, чтобы установить, что школа была, по меньшей мѣрѣ, такимъ же «искусственнымъ» продуктомъ государства, какъ и фабрика. — Образовательныя насилія государства иллюстрируютъ эту «искусственность». За неявку школьниковъ сажали на цѣпь. Вся школа была на цѣпи. Ученье было службой. Ученикамъ платили жалованье и пр. и пр.

внѣшней торговли отношенія съ другими странами носили преимущественно государственный характеръ, то вліяніе этихъ странъ, прежде чѣмъ принять форму непосредственнаго хозяйственнаго соперничества, выражалось въ формѣ обостренной борьбы за государственное существованіе. Западная экономика вліяла на русскую черезъ посредство государства. Чтобъ существовать въ средѣ враждебныхъ и лучше вооруженныхъ государствъ, Россія вынуждена была ввести фабрики, навигаціонныя школы, учебники фортификаціи и пр. Но еслибъ общее направленіе внутренняго хозяйства огромной страны не шло въ томъ же направленіи, еслибъ развитіе этого хозяйства не рождало потребности въ прикладныхъ и обобщающихъ знаніяхъ, то всѣ усилія государства погибли бы безплодно: національная экономика, естественно развивавшаяся отъ натуральнаго хозяйства къ денежно-товарному, откликалась только на тѣ мѣропріятія правительства, которыя отвѣчали этому развитію, и лишь въ той мѣрѣ, въ какой они согласовались съ нимъ. Исторія русской фабрики, исторія русской монетной системы, исторія государственнаго кредита — все это какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ въ пользу высказаннаго взгляда.

«Большинство видовъ промышленности (металлургической, сахарной, нефтяной, винокуренной, даже касающейся волокнистыхъ веществъ), — пишетъ проф. Менделѣевъ, — зачалось прямо подъ вліяніемъ правительственныхъ мѣропріятій, а иногда и большихъ правительственныхъ субсидій, но особенно потому, что правительство совершенно сознательно, кажется во всѣ времена, держалось покровительственной политики, а въ царствованіе императора Александра III выставило ее на своемъ знамени съ полной откровенностью . . . Высшее правительство, держась съ полнымъ сознаніемъ началъ протекціонизма въ приложеніи къ Россіи, оказы-

валось впереди нашихъ образованныхъ классовъ, взятыхъ въ цѣломъ[1]).» Ученый панегиристъ промышленнаго протекціонизма забываетъ прибавить, что правительственная политика диктовалась не заботой о развитіи производительныхъ силъ, но чисто фискальными и отчасти военно-техническими соображеніями. Поэтому политика протекціонизма нерѣдко противорѣчила не только основнымъ интересамъ промышленнаго развитія, но и приватнымъ интересамъ отдѣльныхъ предпринимательскихъ группъ. Такъ, хлопчатобумажные фабриканты прямо указывали на то, что «высокая пошлина на хлопокъ сохраняется нынѣ въ тарифѣ не ради поощренія хлопководства, а исключительно въ интересахъ фискальныхъ». Какъ въ «созданіи» сословій правительство прежде всего преслѣдовало задачи государственнаго тягла, такъ въ «насажденіи» индустріи оно главную заботу свою направляло на нужды государственнаго фиска. Но несомнѣнно все же, что въ дѣлѣ перенесенія на русскую почву фабрично-заводскаго производства самодержавіе сыграло не малую роль.

Къ тому времени, когда развивавшееся буржуазное общество почувствовало потребность въ политическихъ учрежденіяхъ Запада, самодержавіе оказалось вооруженнымъ всѣмъ матеріальнымъ могуществомъ европейскихъ государствъ. Оно опиралось на централизованно-бюрократическій аппаратъ, который былъ совершенно не годенъ для регулированія новыхъ отношеній, но способенъ былъ развить большую энергію въ дѣлѣ систематическихъ репрессій. Огромные размѣры государства были побѣждены телеграфомъ, который придаетъ дѣйствіямъ администраціи увѣренность и относительное единообразіе и быстроту (въ дѣлѣ репрессій), а

[1]) Д. Менделѣевъ. «Къ познанію Россіи», С.-Пб., 1906, стр. 84.

желѣзныя дороги позволяютъ перебрасывать въ короткое время военную силу изъ конца въ конецъ страны. До-революціонныя правительства Европы почти не знали ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа. Армія въ распоряженіи абсолютизма колоссальна — и если она оказалась никуда негодной въ серьезныхъ испытаніяхъ русско-японской войны, то она все же достаточна хороша для внутренняго господства. Ничего подобнаго нынѣшней русской арміи не знало не только правительство старой Франціи, но и правительство 48-го года.

Эксплуатируя при помощи своего фискально-военнаго аппарата до крайней степени страну, правительство довело свой годовой бюджетъ до колоссальной цифры въ 2 милліарда рублей. Опираясь на свою армію и на свой бюджетъ, самодержавное правительство сдѣлало европейскую биржу своимъ казначействомъ, а русскаго плательщика — безнадежнымъ данникомъ европейской биржи.

Такимъ образомъ, въ 80 и 90 гг. XIX вѣка русское правительство стояло предъ лицомъ міра, какъ колоссальная военно-бюрократическая и фискально-биржевая организація несокрушимой силы.

Финансовое и военное могущество абсолютизма подавляло и ослѣпляло не только европейскую буржуазію, но и русскій либерализмъ, отнимая у него всякую вѣру въ возможность тягаться съ абсолютизмомъ въ дѣлѣ открытаго соразмѣренія силъ. Военно-финансовое могущество абсолютизма исключало, казалось, какія бы то ни было возможности русской революціи.

На самомъ же дѣлѣ оказалось какъ разъ обратное.

Чѣмъ централизованнѣе государство и чѣмъ независимѣе отъ общества, тѣмъ скорѣе оно превращается въ самодовлѣющую организацію, стоящую надъ обществомъ. Чѣмъ выше военно-финансовыя силы такой организаціи, тѣмъ длительнѣе и успѣш-

нѣе можетъ быть ея борьба за существованіе. Централизованное государство съ двухмилліарднымъ бюджетомъ съ восьмимилліарднымъ долгомъ и съ милліонной арміей подъ ружьемъ, могло продержаться еще долго послѣ того, какъ перестало удовлетворять элементарнѣйшія потребности общественнаго развитія — не только потребность внутренняго управленія, но даже и потребность въ военной безопасности, на охраненіи которой оно первоначально сложилось.

Чѣмъ дальше затягивалось такое положеніе, тѣмъ больше становилось противорѣчіе между нуждами хозяйственно-культурнаго развитія и политикой правительства, развившей свою могучую «милліардную» инерцію. Послѣ того какъ эпоха великихъ заплатъ была оставлена позади, не только не устранивъ этого противорѣчія, но впервые вскрывъ его, самостоятельный поворотъ правительства на путь парламентаризма становился и объективно все труднѣе и психологически все недоступнѣе. Единственный выходъ изъ этого противорѣчія, который намѣчался для общества его положеніемъ, состоялъ въ томъ, чтобъ въ желѣзномъ котлѣ абсолютизма накопить достаточно революціонныхъ паровъ, которые могли бы разнести котелъ.

Такимъ образомъ административное, военное и финансовое могущество абсолютизма, дававшее ему возможность существовать наперекоръ общественному развитію, не только не исключало возможности революціи, какъ думалъ либерализмъ, но, наоборотъ, дѣлало революцію единственнымъ выходомъ, — притомъ за этой революціей заранѣе былъ обезпеченъ тѣмъ болѣе радикальный характеръ, чѣмъ болѣе могущество абсолютизма углубляло пропасть между нимъ и націей.

Русскій марксизмъ поистинѣ можетъ гордиться тѣмъ, что онъ одинъ уяснилъ направленіе развитія

и предсказалъ его общія формы[1]) въ то время, какъ либерализмъ питался самымъ утопическимъ «практицизмомъ», а революціонное народничество жило фантасмагоріями и вѣрой въ чудеса.

Все предшествующее соціальное развитіе дѣлало революцію неизбѣжной. Каковы же были силы этой революціи?

2. Городъ и капиталъ.

Городская Россія это продуктъ новѣйшей исторіи точнѣе — послѣднихъ десятилѣтій. Къ концу царствованія Петра I, въ первой четверти XVIII в., городское населеніе составляло съ небольшимъ 328 тысячъ, около 3% населенія страны. Къ концу того же столѣтія оно составляло 1301 тысячу, около 4,1% всего населенія. Въ 1812 году городское населеніе возрасло до 1653 тысячъ, что составляло 4,4%. Въ серединѣ XIX ст. города все еще насчитываютъ только 3482 т., — 7,8%. Наконецъ, по послѣдней переписи (1897 г.) количество городского населенія опредѣлено въ 16.289 тысячъ, что даетъ около 13% всего населенія[2]).

Если имѣть въ виду городъ, какъ соціально-экономическую формацію, а не какъ простую административную единицу, то необходимо признать,

[1]) Даже такой реакціонный бюрократъ, какъ проф. Менделѣевъ, не можетъ не признать этого. Говоря о развитіи индустріи, онъ замѣчаетъ: «Соціалисты тутъ кое-что увидали и даже отчасти поняли, но сбились, слѣдуя за латинщиной (!), рекомендуя прибѣгать къ насиліямъ, потворствуя животнымъ инстинктамъ черни и стремясь къ переворотамъ и власти.» («Къ познанію Россіи», стр. 120.)

[2]) Эти цифры мы заимствовали изъ «Очерковъ» г. Милюкова. Городское населеніе всей Россіи, включая сюда Сибирь и Финляндію, опредѣляется по переписи 1897 г. въ 17.122 тысячи, или 13$^1/_4$% (Д. Менделѣевъ. «Къ познанію Россіи», Спб. 1906 г., 2 изд., таблица на стр. 90).

что приведенныя данныя не даютъ дѣйствительной картины развитія городовъ: русская государственная практика знаетъ массовыя пожалованія въ города, какъ и массовыя разжалованія изъ этого званія съ цѣлями очень далекими отъ научныхъ соображеній. Тѣмъ не менѣе эти цифры достаточно ясно свидѣтельствуютъ какъ о ничтожествѣ городовъ въ дореформенной Россіи, такъ и о лихорадочно быстромъ ростѣ ихъ за послѣднія десятилѣтія. По вычисленіямъ г. Михайловскаго приростъ городского населенія за время съ 1885 г. по 1897 г. составилъ 33,8%, вдвое слишкомъ выше общаго прироста жителей страны (15,25%) и почти втрое выше прироста сельскаго населенія (12,7%). Если присоединить сюда фабрично-заводскія села и мѣстечки, то быстрый ростъ городского (не земледѣльческаго) населенія скажется еще ярче.

Но современные русскіе города отличаются отъ старыхъ не только численностью своего населенія, но и своимъ соціальнымъ типомъ: они — средоточія торгово-промышленной жизни. Большинство нашихъ старыхъ городовъ не играло почти никакой хозяйственной роли: они были военно-административными пунктами или полевыми крѣпостями, населеніе ихъ было служилое, содержалось изъ государственной казны, и городъ составлялъ въ общемъ административно-военно-податной центръ.

Если не-служилое населеніе селилось въ городской чертѣ или въ слободахъ, ища прикрытія отъ враговъ, то это нисколько не мѣшало ему по-прежнему заниматься земледѣліемъ. Даже Москва, самый большой городъ старой Россіи была, по опредѣленію г. Милюкова, просто «царской усадьбой, значительная часть населенія которой такъ или иначе состояла въ связи съ дворцомъ, въ качествѣ свиты, гвардіи или дворни. Изъ 16 тысячъ слишкомъ дворовъ, насчитывавшихся въ Москвѣ по переписи 1701 г.,

на долю посадскихъ и ремесленниковъ не приходилось и 7 т. (44%), и тѣ состоятъ изъ населенія государственныхъ слободъ, работающихъ на дворецъ. Остальныя 9 тыс. принадлежатъ духовенству ($1^1/_2$ т.) и правящему сословію». Такимъ образомъ русскій городъ, подобно городамъ азіатскихъ деспотій и въ отличіе отъ ремесленно-торговыхъ городовъ средневѣковья, игралъ чисто потребительную роль. Въ то время какъ современный ему западный городъ болѣе или менѣе побѣдоносно отстаивалъ тотъ принципъ, что ремесленники не имѣютъ права жить въ деревняхъ, русскій городъ отнюдь не задавался такими цѣлями. Гдѣ же была обрабатывающая промышленность, ремесло? Въ деревнѣ, при земледѣліи. Низкій хозяйственный уровень при напряженномъ хищничествѣ государства не давалъ мѣста ни накопленію, ни общественному раздѣленію труда. Болѣе короткое лѣто по сравненію съ Западомъ оставляло болѣе долгій зимній досугъ. Все это повело къ тому, что обрабатывающая промышленность не отдѣлилась отъ земледѣлія, не сконцентрировалась въ городахъ, а осталась въ деревнѣ, какъ подсобное занятіе при земледѣліи. Когда, во второй половинѣ XIX вѣка, началось у насъ широкое развитіе капиталистической индустріи, оно застало не городское ремесло, а главнымъ образомъ деревенское кустарничество. «На полтора милліона, самое большее, фабричныхъ рабочихъ, — пишетъ г. Милюковъ, — въ Россіи существуетъ до сихъ поръ никакъ не менѣе четырехъ милліоновъ крестьянъ, занимающихся обрабатывающей промышленностью у себя въ деревнѣ и въ тоже время не бросающихъ земледѣлія. Это — тотъ самый классъ, изъ котораго выросла . . . европейская фабрика, и который нисколько не участвовалъ . . . въ созданіи русской.»

Разумѣется, дальнѣйшій ростъ населенія и его производительности создавалъ базисъ для обществен-

наго раздѣленія труда и значитъ для городского ремесла, но силою экономическаго давленія передовыхъ странъ этимъ базисомъ сразу завладѣла крупная капиталистическая промышленность, такъ что для расцвѣта городского ремесла не оказалось времени.

Четыре милліона кустарей, это тѣ самые элементы, которые въ Европѣ образовывали ядро городского населенія, входили въ цехи въ качествѣ мастеровъ и подмастерьевъ, а впослѣдствіи все больше оставались за предѣлами цеховъ. Именно ремесленный слой составлялъ преобладающее населеніе самыхъ революціонныхъ кварталовъ Парижа эпохи Великой Революціи. Уже одинъ этотъ фактъ — ничтожество городского ремесла — имѣетъ для нашей революціи неизмѣримыя послѣдствія.

Экономическая сущность современнаго города состоитъ въ томъ, что онъ обрабатываетъ сырье, доставляемое деревней; условія транспорта имѣютъ для него поэтому рѣшающую роль. Только проведеніе желѣзныхъ дорогъ могло настолько расширить сферу питающихъ городъ областей, что создало возможность скопленія стотысячныхъ массъ; необходимость въ такихъ скопленіяхъ была вызвана крупной фабричной промышленностью. Ядромъ населенія въ современномъ городѣ, по крайней мѣрѣ, въ городѣ, имѣющемъ хозяйственно-политическое значеніе, является рѣзко дифференцировавшійся классъ наемнаго труда. Именно этому классу, еще въ сущности неизвѣстному Великой Французской Революціи, суждено въ нашей сыграть рѣшающую роль.

Фабрично-индустріальный строй не только выдвигаетъ пролетаріатъ на переднія позиціи, но и вырываетъ почву изъ подъ ногъ буржуазной демократіи. Ея опорой въ эпоху прежнихъ революцій было городское мѣщанство: ремесленники, мелкіе лавочники и пр.

Другой причиной непропорціонально-большой политической роли русскаго пролетаріата является тотъ фактъ, что русскій капиталъ въ значительной своей долѣ — иммигрантъ. Этотъ фактъ имѣлъ, по мнѣнію Каутскаго, своимъ послѣдствіемъ то, что росту численности, силы и вліянія пролетаріата не соотвѣтствовалъ ростъ буржуазнаго либерализма.

Капитализмъ, какъ уже сказано выше, развивался у насъ не изъ ремесла, — онъ завоевывалъ Россію, имѣя за собою хозяйственную культуру всей Европы, имѣя передъ собою, въ качествѣ ближайшаго конкурента, безпомощнаго сельскаго кустаря или жалкаго городского ремесленника, а въ качествѣ резервуара рабочей силы — полунищаго крестьянина земледѣльца. Абсолютизмъ съ разныхъ сторонъ помогалъ капиталистическому закабаленію страны.

Прежде всего онъ превратилъ русскаго крестьянина въ данника міровой биржи. Отсутствіе капиталовъ внутри страны при постоянной потребности въ нихъ государства создавало почву для ростовщическихъ условій при внѣшнихъ займахъ. Амстердамскіе, лондонскіе, берлинскіе и парижскіе банкиры, начиная съ царствованія Екатерины II и кончая министерствомъ Витте — Дурново, системитически работали надъ превращеніемъ самодержавія въ колоссальную биржевую спекуляцію. Значительная часть такъ называемыхъ внутреннихъ займовъ, т.-е. реализованныхъ при посредствѣ внутреннихъ кредитныхъ учрежденій, ничѣмъ не отличалась отъ внѣшнихъ, такъ какъ находила свое дѣйствительное помѣщеніе у заграничныхъ капиталистовъ. Пролетаризуя и пауперизуя крестьянина тяжестью обложенія, абсолютизмъ превращалъ милліоны европейской биржи въ солдатъ, въ броненосцы, въ одиночныя тюрьмы, въ желѣзныя дороги. Бо̀льшая часть этихъ расходовъ съ хозяйственной точки зрѣнія является совершенно непроизводительной. Огромная доля на-

ціональнаго продукта уходила въ видѣ процента за границу, обогащая и усиливая финансовую аристократію Европы. Европейская финансовая буржуазія, политическое вліяніе которой въ парламентарныхъ странахъ непрерывно растетъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, отодвигая назадъ вліяніе торгово-промышленныхъ капиталистовъ, правда, превратила царское правительство въ своего вассала; но она не могла стать, не хотѣла стать и не стала составной частью буржуазной оппозиціи внутри Россіи. Въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ она руководствовалась тѣмъ началомъ, которое голландскіе банкиры Гоппе и К° формулировали еще въ условіяхъ павловскаго займа 1798 г.: «платежъ процентовъ долженъ быть производимъ, несмотря ни на какія политическія обстоятельства.» Европейская биржа была даже прямо и непосредственно заинтересована въ сохраненіи абсолютизма: никакое другое національное правительство не могло ей обезпечить такихъ ростовщическихъ процентовъ. Но государственные займы не были единственнымъ путемъ иммиграціи европейскихъ капиталовъ въ Россіи. Тѣ же самыя деньги, впитавшія въ себя добрую долю русскаго государственнаго бюджета, возвращались на территорію Россіи, какъ торгово-промышленный капиталъ, привлекаемый ея нетронутыми естественными богатствами и, главнымъ образомъ, неорганизованной и непривыкшей къ сопротивленію рабочей силой. Послѣдній періодъ нашего промышленнаго подъема 1893—1899 гг. былъ вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ усиленной иммиграціи европейскаго капитала. Такимъ образомъ капиталъ, оставаясь по прежнему въ значительной своей части европейскимъ, реализуя свою политическую мощь во французскомъ или бельгійскомъ парламентѣ, мобилизовалъ на русской почвѣ національный рабочій классъ.

Покоряя экономически отсталую страну, евро-

пейскій капиталъ перебрасывалъ главныя отрасли ея производства и сообщенія черезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ техническихъ и экономическихъ ступеней, которыя ему пришлось пройти у себя на родинѣ. Но чѣмъ меньше препятствій онъ встрѣчалъ на пути своего экономическаго господства, тѣмъ ничтожнѣе оказалась его политическая роль.

Европейская буржуазія развилась изъ третьяго сословія среднихъ вѣковъ. Она подняла знамя протеста противъ хищничества и насилія двухъ первыхъ сословій во имя интересовъ народа, который она хотѣла сама эксплуатировать. Средневѣковая сословная монархія на пути превращенія въ бюрократическій абсолютизмъ опиралась на населеніе городовъ въ своей борьбѣ противъ притязаній духовенства и дворянства. Буржуазія пользовалась этимъ для своего государственнаго возвышенія. Такимъ образомъ бюрократическій абсолютизмъ и капиталистическій классъ развивались одновременно, и, когда они враждебно столкнулись другъ съ другомъ въ 1789 г., то оказалось, что за буржуазіей стоитъ вся нація.

Русскій абсолютизмъ развился подъ непосредственнымъ давленіемъ западныхъ государствъ. Онъ усвоилъ ихъ методы управленія и господства гораздо раньше, чѣмъ на почвѣ національнаго хозяйства успѣла возникнуть капиталистическая буржуазія. Абсолютизмъ уже располагалъ огромной постоянной арміей, централизованнымъ бюрократическимъ и фискальнымъ аппаратомъ, входилъ въ неоплатные долги европейскимъ банкирамъ въ то время, когда русскіе города играли еще совершенно ничтожную экономическую роль.

Капиталъ вторгся съ Запада при непосредственномъ содѣйствіи абсолютизма и въ теченіе короткаго времени превратилъ цѣлый рядъ старыхъ архаическихъ городовъ въ средоточія индустріи и торговли

и даже создалъ въ короткое время огромные торгово-промышленные города на совершенно чистомъ мѣстѣ. Капиталъ этотъ нерѣдко сразу являлся въ лицѣ огромныхъ безличныхъ акціонерныхъ предпріятій. За десятилѣтіе промышленнаго подъема 1893—1902 основной капиталъ акціонерныхъ предпріятій возросъ на 2 милліарда, между тѣмъ какъ за періодъ 1854 до 1892 онъ увеличился всего на 900 милліоновъ. Пролетаріатъ сразу оказался сосредоточеннымъ въ огромныхъ массахъ, а между нимъ и абсолютизмомъ стояла немногочисленная капиталистическая буржуазія, оторванная отъ «народа», наполовину чужестранная, безъ историческихъ традицій, одухотворенная одной жаждой наживы.

---

3. 1789—1848—1905...

Исторія не повторяется. Сколько бы ни сравнивали русскую революцію съ Великой французской, первая отъ этого не превратится въ повтореніе второй. Девятнадцатое столѣтіе прошло не даромъ.

Уже 48 годъ представляетъ громадное отличіе отъ 1789. По сравненію съ Великой революціей прусская или австрійская поражаетъ своимъ ничтожнымъ размахомъ. Она пришла, съ одной стороны, слишкомъ рано, съ другой, слишкомъ поздно. То гигантское напряженіе силъ, которое нужно буржуазному обществу, чтобы радикально расквитаться съ господами прошлаго, можетъ быть достигнуто либо мощнымъ единодушіемъ всей націи, возставшей противъ феодальнаго деспотизма, либо могучимъ развитіемъ классовой борьбы внутри этой освобождающейся націи. Въ первомъ случаѣ, который имѣлъ мѣсто въ 1789—1793 гг. національная энергія, сгущенная ужасающимъ сопротивленіемъ стараго порядка, расходуется цѣликомъ на борьбу съ реакціей.

Во второмъ случаѣ, который не имѣлъ еще мѣста въ исторіи и разсматривается нами, какъ возможность, дѣйственная энергія, необходимая для побѣды надъ черными силами исторіи, вырабатывается въ буржуазной націи посредствомъ «междуусобной» классовой борьбы. Суровыя внутреннія тренія, поглощающія массу энергіи и лишающія буржуазію возможности играть главную роль, толкаютъ впередъ ея антагониста, даютъ ему въ мѣсяцъ опытъ десятилѣтій, ставятъ его на первое мѣсто и вручаютъ ему туго натянутыя бразды. Рѣшительный, не знающій сомнѣній, онъ придаетъ событіямъ могучій размахъ.

Либо нація, собравшаяся въ одно цѣлое, какъ левъ передъ прыжкомъ, либо нація, въ процессѣ борьбы окончательно раздѣлившаяся, чтобъ высвободить лучшую долю самой себя для выполненія задачи, которая не подъ силу цѣлому. Таковы два полярные типа, въ чистомъ видѣ возможные, разумѣется, лишь въ логическомъ противопоставленіи.

Среднее положеніе и здѣсь, какъ во многихъ случаяхъ, хуже всего. Это среднее положеніе и создало 48-й годъ.

Въ героическій періодъ французской исторіи мы видимъ буржуазію, просвѣщенную, дѣятельную, еще не обнаружившую предъ собой противорѣчій собственнаго положенія, на которую исторія возлагаетъ руководство борьбой за новый порядокъ вещей — не только противъ отжившихъ учрежденій Франціи, но и противъ реакціонныхъ силъ всей Европы. Буржуазія послѣдовательно, въ лицѣ всѣхъ своихъ фракцій, сознаетъ себя вождемъ націи, вовлекаетъ массы въ борьбу, даетъ имъ лозунгъ, диктуетъ имъ боевую тактику. Демократія связываетъ націю политической идеологіей. Народъ — мѣщане, крестьяне и рабочіе — посылаютъ своими депутатами буржуа, и тѣ наказы, которые даютъ имъ общины, написаны языкомъ буржуазіи, приходящей къ сознанію своей

мессіанистической роли. Во время самой революціи хотя и вскрываются классовые антагонизмы, но властная инерція революціонной борьбы послѣдовательно сбрасываетъ съ политическаго пути наиболѣе косные элементы буржуазіи. Каждый слой отрывается не раньше, какъ передастъ свою энергію слѣдующимъ за нимъ слоямъ. Нація, какъ цѣлое, продолжаетъ при этомъ бороться за свои цѣли все болѣе и болѣе острыми и рѣшительными средствами. Когда отъ національнаго ядра, пришедшаго въ движеніе, отрываются верхи имущей буржуазіи и вступаютъ въ союзъ съ Людовикомъ XVI, демократическія требованія націи, направленныя уже противъ этой буржуазіи, приводятъ ко всеобщему избирательному праву и республикѣ, какъ логически неизбѣжнымъ формамъ демократіи.

Великая французская революція есть дѣйствительно революція національная. Болѣе того. Здѣсь въ національныхъ рамкахъ находитъ свое классическое выраженіе міровая борьба буржуазнаго строя за господство, власть, безраздѣльное торжество.

Якобинизмъ — это теперь бранное слово въ устахъ всѣхъ либеральныхъ мудрецовъ. Буржуазная ненависть къ революціи, къ массѣ, къ силѣ, къ величію той исторіи, которая дѣлается на улицахъ, воплотилась въ одинъ крикъ негодованія и страха: якобинизмъ! Мы, міровая армія коммунизма, давно ужъ свели историческіе счеты съ якобинствомъ. Все нынѣшнее международное пролетарское движеніе сложилось и окрѣпло въ борьбѣ съ преданіями якобинизма. Мы подвергли его теоретической критикѣ, вскрыли его историческую ограниченность, его общественную противорѣчивость, его утопизмъ, разоблачили его фразеологію, мы порвали съ его традиціями, которыя на протяженіи десятилѣтій казались священнымъ наслѣдіемъ революціи.

Но противъ нападокъ, клеветъ и безсмыслен-

ныхъ надругательствъ безкровнаго флегматическаго либерализма мы возьмемъ якобинизмъ подъ свою защиту. Буржуазія постыдно предала всѣ традиціи своей исторической молодости — и ея нынѣшніе наемники безчинствуютъ надъ могилами ея предковъ и кощунствуютъ надъ прахомъ ея идеаловъ. Пролетаріатъ взялъ на себя охрану чести революціоннаго прошлаго самой буржуазіи. Пролетаріатъ, такъ радикально порвавшій въ своей практикѣ съ революціонными традиціями буржуазіи, охраняетъ ихъ, какъ наслѣдіе великихъ страстей, героизма и иниціативы — и его сердце отзывчиво бьется рѣчамъ и дѣламъ якобинскаго конвента.

Что придало обаяніе либерализму, какъ не традиціи Великой французской революціи! . . . Въ какой другой моментъ буржуазная демократія поднималась такъ высоко, зажигала такое великое пламя въ сердцѣ народа, какъ якобинская, санкюлотская, террористическая, робеспьеровская демократія 1793 года?

Что какъ не якобинизмъ далъ и даетъ возможность французскому буржуазному радикализму разныхъ оттѣнковъ держать подъ своимъ обаяніемъ огромную часть народа, даже пролетаріата, по сей день — въ то время какъ буржуазный радикализмъ Германіи и Австріи написалъ свою короткую исторію дѣяніями ничтожества и позора?

Что какъ не обаяніе якобинизма, его отвлеченной политической идеологіи, его культа священной республики, его торжественной декламаціи до сихъ поръ еще питаетъ французскихъ радикаловъ и радикалъ-соціалистовъ, Клемансо, Мильерана, Бріана и Буржуа — всѣхъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые умѣютъ охранять основы не хуже, чѣмъ тупые милостью божіей нѣмецкіе юнкера, и которымъ такъ безнадежно завидуетъ буржуазная демократія другихъ странъ, осыпая въ то же время

клеветами первоисточникъ ихъ политическихъ преимуществъ, героическій якобинизмъ.

Уже послѣ того, какъ многія надежды были разрушены, онѣ остались въ сознаніи народа какъ преданіе; еще долго пролетаріатъ языкомъ прошлаго говорилъ о своемъ будущемъ. Въ 40 году — почти черезъ полстолѣтія послѣ правительства Горы, за 8 лѣтъ до іюньскихъ дней 48 года — Гейне посѣтилъ нѣсколько мастерскихъ въ предмѣстьѣ Санъ-Марсо и увидѣлъ, что читали рабочіе, «самая здоровая часть низшаго класса». «Я нашелъ тамъ», сообщалъ Гейне въ нѣмецкую газету, «нѣсколько новыхъ рѣчей старика Робеспьера, а также памфлетовъ Марата, изданныхъ выпусками по 2 су, «Исторію революціи» Кабе, ядовитые пасквили Карменена, сочиненіе Буанаротти «Ученіе и заговоръ Бабефа» — всѣ произведенія, пахнущія кровью . . .» Какъ одинъ изъ плодовъ этого сѣмени, предсказываетъ поэтъ, грозитъ на почвѣ Франціи, рано или поздно, вырости республика.

Въ 1848 году буржуазія уже неспособна была сыграть подобную роль. Она не хотѣла и не смѣла брать на себя отвѣтственность за революціонную ликвидацію общественнаго строя, стоявшаго помѣхой ея господству. Мы уже знаемъ, почему. Ея задача состояла въ томъ, — и она отдавала себѣ въ этомъ ясный отчетъ, — чтобы ввести въ старый строй необходимыя гарантіи — не своего политическаго господства, но лишь совладѣнія съ силами прошлаго. Она была скаредно мудра опытомъ французской буржуазіи, развращена ея предательствами, напугана ея неудачами. Она не только не вела массы на штурмъ стараго порядка, но она упиралась спиною въ старый порядокъ, чтобы дать отпоръ массѣ, толкавшей ее впередъ.

Французская буржуазія сумѣла сдѣлать свою революцію великой. Ея сознаніе было сознаніемъ

общества, и ничто не могло воплотиться въ учрежде-
нія, не пройдя предварительно чрезъ ея сознаніе
какъ цѣль, какъ задача политическаго творчества
Она прибѣгала нерѣдко къ театральной позѣ, чтобы
скрыть отъ самой себя ограниченность своего бур
жуазнаго міра, — но она шла впередъ.

Нѣмецкая же буржуазія съ самаго начала н
«дѣлала» революціи, но отдѣлывалась отъ нея. Е
сознаніе возставало противъ объективныхъ условій
ея господства. Революція могла быть проведена н
ею, но противъ нея. Демократическія учрежденія
отражались въ ея головѣ не какъ цѣль ея борьбы
но какъ угроза ея благополучію.

Въ 48 году нуженъ былъ классъ, способный
вести событія помимо буржуазіи и вопреки ей, го
товый не только толкать ее впередъ силой своег
давленія, но и сбросить въ рѣшительную минуту с
своего пути ея политическій трупъ.

Ни мѣщанство, ни крестьянство не были на эт
способны.

Мѣщанство было враждебно не только по отно
шенію ко вчерашнему, но и по отношенію къ завтраш
нему дню. Еще опутанное средневѣковыми отно
шеніями, но уже неспособное противостоять «сво
бодной» промышленности; еще налагавшее на город
свой отпечатокъ, но уже уступавшее свое вліяні
средней и крупной буржуазіи; погрязшее въ своихъ
предразсудкахъ, оглушенное грохотомъ событій, эк
сплуатирующее и эксплуатируемое, жадное и без
помощное въ своей жадности, захолустное мѣщанств
не могло руководить міровыми событіями.

Крестьянство въ еще большей мѣрѣ было лишен
самостоятельной политической инициативы. Закаба
ленное въ теченіе столѣтій, нищее, озлобленное
соединяющее въ себѣ всѣ нити старой и новой экс
плуатаціи, крестьянство представляло въ извѣстны
моментъ богатый источникъ хаотической революціон

ной силы. Но раздробленное, разсѣянное, отброшенное отъ городовъ, нервныхъ центровъ политики и культуры, тупое, ограниченное въ своемъ кругозорѣ околицей, равнодушное ко всему, до чего додумался городъ, крестьянство не могло имѣть руководящаго значенія. Оно успокоилось, какъ только съ его плечъ была сброшена ноша феодальныхъ повинностей, и отплатило городу, который боролся за его права, черной неблагодарностью: освобожденные крестьяне стали фанатиками «порядка».

Интеллигентная демократія, лишенная классовой силы, то плелась вослѣдъ за своей старшей сестрой, либеральной буржуазіей, въ качествѣ ея политическаго хвоста, то отдѣлялась отъ нея въ критическіе моменты, чтобы обнаружить свое безсиліе. Она путалась сама въ неназрѣвшихъ противорѣчіяхъ и эту путаницу несла съ собою всюду.

Пролетаріатъ былъ слишкомъ слабъ, лишенъ организаціи опыта и знанія. Капиталистическое развитіе пошло достаточно далеко, чтобы сдѣлать необходимымъ уничтоженіе старыхъ феодальныхъ отношеній, но недостаточно далеко, чтобы выдвинуть рабочій классъ, продуктъ новыхъ производственныхъ отношеній, какъ рѣшающую политическую силу. Антагонизмъ пролетаріата съ буржуазіей, даже въ національныхъ рамкахъ Германіи, зашелъ слишкомъ далеко, чтобы дать возможность буржуазіи безбоязненно выступить въ роли національнаго гегемона, но не достаточно далеко, чтобы позволить пролетаріату взять на себя такую роль. Внутреннія тренія революціи, правда, подготовляли пролетаріатъ къ политической самостоятельности, но сейчасъ они ослабляли энергію и сплоченность дѣйствія, расходовали безрезультатно силы и вынуждали революцію, послѣ первыхъ успѣховъ, томительно топтаться на мѣстѣ, чтобы затѣмъ, подъ ударами реакціи, двинуться заднимъ ходомъ.

Австрія дала особенно рѣзкій и трагическій образчикъ этой незаконченности и недодѣланности политическихъ отношеній въ революціонный періодъ.

Вѣнскій пролетаріатъ проявилъ въ 48 году удивительный героизмъ и неисчерпаемую энергію. Онъ снова и снова шелъ въ огонь, движимый однимъ лишь темнымъ классовымъ инстинктомъ, лишенный общаго представленія о цѣляхъ борьбы, переходящій ощупью отъ лозунга къ лозунгу. Руководство пролетаріатомъ удивительнымъ образомъ перешло къ студенчеству, единственной активной демократической группѣ, пользовавшейся, благодаря своей активности, большимъ вліяніемъ на массы, а значитъ — и на событія. Студенты способны были, безъ сомнѣнія, храбро драться на баррикадахъ и умѣли честно брататься съ рабочими, но они совершенно не могли направлять ходъ революціи, вручившей имъ «диктатуру» надъ улицей.

Пролетаріатъ, разрозненный, безъ политическаго опыта и самостоятельнаго руководства, шелъ за студентами. Во всѣ критическіе моменты рабочіе неизмѣнно предлагали «господамъ, которые работаютъ головою», помощь тѣхъ, которые «работаютъ руками». Студенты то призывали рабочихъ, то сами преграждали имъ путь изъ предмѣстій. Они подчасъ запрещали имъ силою своего политическаго авторитета, опиравшагося на оружіе академическаго легіона, выступать со своими самостоятельными требованіями. Это была классически ясная форма благожелательной революціонной диктатуры надъ пролетаріатомъ.

Въ результатѣ этихъ общественныхъ отношеній произошло вотъ что. Когда 26-го мая вся рабочая Вѣна поднялась на ноги по призыву студентовъ, чтобы бороться противъ разоруженія студенчества («академическаго легіона»), когда населеніе столицы, покрывшее весь городъ баррикадами, обнаружило

удивительную мощь и завладѣло городомъ, когда за вооруженной Вѣной стояла Австрія, когда монархія, находившаяся въ бѣгахъ, лишилась значенія, когда, подъ давленіемъ народа, послѣднія войска были выведены изъ столицы, когда правительственная власть Австріи оказывалась выморочнымъ достояніемъ, не нашлось политической силы, чтобы овладѣть рулемъ.

Либеральная буржуазія сознательно не хотѣла воспользоваться властью, добытою столь разбойничьимъ путемъ. Она только и мечтала о возвращеніи императора, удалившагося въ Тироль изъ осиротѣвшей Вѣны.

Рабочіе были достаточны мужественны, чтобы разбить реакцію, но недостаточно организованы и сознательны, чтобы ей наслѣдовать. Имѣлось могущественное рабочее движеніе, но не было развитой классовой борьбы пролетаріата, ставящей себѣ опредѣленныя политическія цѣли. Неспособный овладѣть кормиломъ, пролетаріатъ не могъ подвинуть на этотъ историческій подвигъ и буржуазную демократію, которая, какъ это часто бываетъ съ нею, скрылась въ самую нужную минуту. Чтобы вынудить эту абсентеистку къ выполненію ея обязанностей, пролетаріату нужно было, во всякомъ случаѣ, не меньше силы и зрѣлости, чѣмъ для того, чтобы самому организовать временное рабочее правительство.

Въ общемъ, получилось положеніе, которое одинъ современникъ совершенно правильно характеризуетъ словами: «Въ Вѣнѣ фактически установилась республика, но, къ несчастью, никто не видалъ этого» . . . Никѣмъ не замѣченная республика надолго удалилась со сцены, уступивъ свое мѣсто Габсбургамъ . . . Разъ утерянная коньюнктура не возвращается вторично.

Изъ опыта венгерской и германской революцій

Лассаль сдѣлалъ выводъ, что отнынѣ революція можетъ найти опору только въ классовой борьбѣ пролетаріата.

Въ своемъ письмѣ отъ 24 октября 1849 г. Лассаль пишетъ Марксу: «Венгрія имѣетъ больше шансовъ, чѣмъ какая-либо иная страна, счастливо окончить борьбу. И это — среди другихъ причинъ — потому, что тамъ партіи еще не достигли опредѣленнаго раздѣленія, рѣзкаго антагонизма, какъ въ Западной Европѣ, потому что революція тамъ была облечена въ значительной степени въ форму національной борьбы за независимость. Тѣмъ не менѣе, Венгрія была побѣждена и именно вслѣдствіе предательства національной партіи.»

«Изъ этого», продолжаетъ Лассаль, въ связи съ исторіей Германіи 1848 и 1849 гг., «я извлекъ тотъ непоколебимый урокъ, что никакая борьба въ Европѣ не можетъ быть успѣшна, если только съ самаго начала она не будетъ провозглашена чисто соціалистической; что не можетъ больше удасться никакая борьба, въ которой соціальные вопросы входятъ лишь, какъ туманный элементъ, и стоятъ на заднемъ планѣ, и которая, съ внѣшней стороны, ведется подъ знаменемъ національнаго возрожденія или буржуазнаго республиканизма.»

Не будемъ останавливаться на критикѣ этихъ рѣшительныхъ выводовъ. Въ нихъ, во всякомъ случаѣ, безусловно вѣрно то, что уже въ серединѣ девятнадцатаго столѣтія національная задача политическаго раскрѣпощенія не могла быть разрѣшена единодушнымъ и согласованнымъ напоромъ всей націи. Только независимая тактика пролетаріата, черпающаго въ своемъ классовомъ положеніи, и только въ немъ, силы для борьбы, могла бы обезпечить побѣду революціи.

Русскій рабочій классъ 1906 г. совершенно не похожъ на вѣнскій — 48 г. И лучшимъ доказатель-

ствомъ этому является всероссійская практика Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ. Это не заранѣе заготовленныя заговорщическія организаціи, въ минуту возбужденія захватившія власть надъ пролетарской массой. Нѣтъ, это органы, планомѣрно созданные самой этой массой для координированья ея революціонной борьбы. И эти выбранные массой и предъ массой отвѣтственные Совѣты, эти безусловно демократическія учрежденія, ведутъ самую рѣшительную классовую политику въ духѣ революціоннаго соціализма.

Съ особенной рѣзкостью соціальныя особенности русской революціи проявляются въ вопросѣ о вооруженіи народа.

Милиція (національная гвардія) была первымъ лозунгомъ и первымъ завоеваніемъ всѣхъ революцій — 1789 г. и 1848 г. — въ Парижѣ, во всѣхъ государствахъ Италіи, въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Въ 48 г. національная гвардія (т. е. вооруженіе имущихъ и «образованныхъ») была лозунгомъ всей буржуазной оппозиціи, даже самой умѣренной, и имѣла задачей не только обезопасить добытыя или только подлежащія «пожалованію» свободы отъ переворотовъ сверху, но и буржуазную собственность отъ покушеній пролетаріата. Такимъ образомъ, милиція была рѣзко классовымъ требованіемъ буржуазіи. «Итальянцы хорошо понимали», говоритъ либеральный англійскій историкъ объединенія Италіи, «что вооруженіе гражданской милиціи сдѣлало бы дальнѣйшее существованіе деспотизма невозможнымъ. Кромѣ того, для владѣющихъ классовъ это была гарантія противъ возможной анархіи и всѣхъ безпорядковъ, таившихся въ глубинѣ[1]).» И правящая реакція, не располагавшая достаточной военной силой въ центрахъ дѣйствія, чтобъ справиться съ «анархіей», т. е.

[1]) Больтонъ Кингъ. «Исторія объединенія Италіи.» Русск. пер., Москва 1901, т. I, стр. 220.

съ революціонной массой, вооружала буржуазію. Абсолютизмъ предоставлялъ сперва бюргерамъ подавить и усмирить рабочихъ, а затѣмъ разоружалъ и усмирялъ самихъ бюргеровъ.

У насъ милиція, какъ лозунгъ, не имѣетъ никакого кредита у буржуазныхъ партій. Либералы не могутъ въ сущности не понимать важности вооруженія: абсолютизмъ далъ имъ на этотъ счетъ нѣсколько предметныхъ уроковъ. Но они понимаютъ также полную невозможность созданія у насъ милиціи помимо пролетаріата и противъ пролетаріата. Русскіе рабочіе мало похожи на рабочихъ 48 г., которые набивали карманы камнями, а въ руки брали ломъ, въ то время, какъ лавочники, студенты и адвокаты имѣли на плечѣ королевскіе мушкеты, а съ боку — сабли.

Вооружить революцію значитъ у насъ прежде всегдо вооружить рабочихъ. Зная это и боясь этого, либералы вовсе отказываются отъ милиціи. Они безъ боя сдаютъ абсолютизму и эту позицію, — какъ буржуазія Тьера сдала Бисмарку Парижъ и Францію, только бы не вооружать рабочихъ.

Въ сборникѣ «Конституціонное государство», въ этомъ манифестѣ либерально-демократической коалиціи, г. Дживелеговъ, разсуждая о возможностяхъ государственнаго переворота, совершенно вѣрно говоритъ, что «само общество въ нужный моментъ должно обнаружить готовность встать на защиту своей конституціи». И такъ какъ отсюда само собою вытекаетъ требованіе народнаго вооруженія, то либеральный философъ тутъ же считаетъ «нужнымъ прибавить», что для отраженія переворотовъ «вовсе нѣтъ необходимости, чтобы всѣ держали наготовѣ оружіе[1])». Нужно только, чтобъ само общество было готово оказать отпоръ. Какимъ путемъ — неизвѣстно.

[1]) «Конституціонное государство», сборникъ статей, I-е изд., стр. 49.

Если изъ этой увертки что-нибудь и вытекаетъ, такъ это лишь то, что въ сердцахъ нашихъ демократовъ страхъ предъ вооруженнымъ пролетаріатомъ пересиливаетъ страхъ предъ самодержавной солдатчиной.

Тѣмъ самымъ задача вооруженія революціи падаетъ всей своей тяжестью на пролетаріатъ. И гражданская милиція, классовое требованіе буржуазіи 48 г., съ самаго начала выступаетъ у насъ, какъ требованіе народнаго и, даже прежде всего, пролетарскаго вооруженія. На этомъ вопросѣ сказывается вся судьба русской революціи.

---

4. Революція и пролетаріатъ.

Революція — это открытое соразмѣреніе соціальныхъ силъ въ борьбѣ за власть.

Государство — не самоцѣль. Оно только рабочая машина въ рукахъ господствующей соціальной силы. Какъ всякая машина, государство имѣетъ свой двигательный, передаточный и исполнительный механизмы. Двигательная сила — это классовый интересъ; его механизмъ — это агитація, печать, церковная и школьная пропаганда, партія, уличное собраніе, петиція, возстаніе. Передаточный механизмъ — это законодательная организація кастоваго, династическаго, сословнаго или классового интереса подъ видомъ божественной (абсолютизмъ) или національной (парламентаризмъ) воли. Наконецъ, исполнительный механизмъ — это администрація съ полиціей, судъ съ тюрьмой, армія.

Государство — не самоцѣль. Но оно величайшее средство организаціи, дезорганизаціи и реорганизаціи соціальныхъ отношеній. Смотря по тому, въ чьихъ рукахъ оно находится, оно можетъ быть рычагомъ глубокаго переворота или орудіемъ организованнаго застоя.

Всякая политическая партія, заслуживающая этого имени, стремится овладѣть правительственной властью и, такимъ образомъ, поставить государство на службу тому классу, интересы котораго она выражаетъ. Соціалдемократія, какъ партія пролетаріата, естественно стремится къ политическому господству рабочаго класса.

Пролетаріатъ растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ ростомъ капитализма. Въ этомъ смыслѣ развитіе капитализма есть развитіе пролетаріата къ диктатурѣ. Но день и часъ, когда власть перейдетъ въ руки рабочаго класса, зависитъ непосредственно не отъ уровня производительныхъ силъ, а отъ отношеній классовой борьбы, отъ международной ситуаціи, наконецъ, отъ ряда субъективныхъ моментовъ: традиціи, инициіативы, боевой готовности . . .

Въ странѣ, экономически болѣе отсталой, пролетаріатъ можетъ оказаться у власти раньше, чѣмъ въ странѣ капиталистически передовой. Въ 1871 г., онъ сознательно взялъ въ свои руки управленіе общественными дѣлами въ мелкобуржуазномъ Парижѣ — правда, только на два мѣсяца, — но ни на одинъ часъ онъ не бралъ власти въ крупно-капиталистическихъ центрахъ Англіи или Соединенныхъ Штатовъ. Представленіе о какой-то автоматической зависимости пролетарской диктатуры отъ техническихъ силъ и средствъ страны представляетъ собою предразсудокъ упрощеннаго до крайности «экономическаго» матеріализма. Съ марксизмомъ такой взглядъ не имѣетъ ничего общаго.

Русская революція создаетъ, на нашъ взглядъ, такія условія, при которыхъ власть можетъ (при побѣдѣ революціи должна) перейти въ руки пролетаріата, прежде чѣмъ политики буржуазнаго либерализма получатъ возможность въ полномъ видѣ развернуть свой государственный геній.

Подводя въ американской газетѣ «Tribune» итоги

революціи и контръ-революціи 48—49 гг., Марксъ писалъ: «Рабочій классъ въ Германіи по своему общественному и политическому развитію стоитъ настолько же позади рабочаго класса Англіи или Франціи, насколько германская буржуазія позади буржуазіи этихъ странъ. Каковъ хозяинъ, таковъ и работникъ. Развитіе условій существованія многочисленнаго, сильнаго, концентрированнаго и сознательнаго класса пролетаріевъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ условій существованія численнаго, богатаго, концентрированнаго и вліятельнаго средняго класса. Само движеніе рабочаго класса никогда не является самостоятельнымъ, никогда не принимаетъ исключительно пролетарскій характеръ, пока различныя части средняго класса и, въ частности, его наиболѣе прогрессивная доля, — крупные промышленники, не завоюютъ политической власти и не передѣлаютъ государства сообразно со своими потребностями. Лишь тогда неизбѣжное столкновеніе между нанимателями и наемниками дѣлается неминуемымъ и не можетъ быть отложено долѣе . . .»[1]) Эта цитата, вѣроятно, извѣстна читателю, такъ какъ за послѣднее время ею часто злоупотребляли текстуальные марксисты. Ее выдвигали, какъ несокрушимый аргументъ противъ идеи рабочаго правительства въ Россіи. «Каковъ хозяинъ, таковъ работникъ.» Если русская капиталистическая буржуазія недостаточно сильна, чтобы взять въ свои руки государственную власть, то тѣмъ менѣе можетъ итти рѣчь о рабочей демократіи, т.-е. о политическомъ господствѣ пролетаріата.

Марксизмъ есть предже всего методъ анализа, — не анализа текстовъ, а анализа соціальныхъ отношеній. Вѣрно ли въ примѣненіи къ Россіи, что слабость капиталистическаго либерализма непремѣнно

---

[1]) Карлъ Марксъ, «Германія въ 1848—50 гг.», рус. пер., изд. Алексѣевой, 1905 г., стр. 8 и 9.

означаетъ слабость рабочаго движенія? Вѣрно ли въ примѣненіи къ Россіи, что самостоятельное пролетарское движеніе возможно не раньше, чѣмъ буржуазія завоюетъ государственную власть? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы понять, какой безнадежный формализмъ мышленія скрывается за попыткой превратить исторически-относительное замѣчаніе Маркса въ сверхъ-историческую (supra-historique) теорему.

Развитіе фабрично-заводской промышленности въ Россіи хотя и носило въ періоды промышленнаго подъема «американскій» характеръ, но дѣйствительные размѣры нашей капиталистической индустріи кажутся дѣтскими по сравненію съ индустріей Американскихъ Штатовъ. 5 милліоновъ человѣкъ, 16,6% хозяйственно дѣятельнаго населенія, занято въ обрабатывающей промышленности Россіи; для Соединенныхъ Штатовъ соотвѣтственныя числа будутъ: 6 милліоновъ, 22,2%. Эти числа говорятъ еще сравнительно немного; они станутъ краснорѣчивѣе, если вспомнить, что населеніе Россіи почти вдвое больше населенія Штатовъ. Но для того, чтобы получить представленіе о дѣйствительныхъ размѣрахъ индустріи этихъ двухъ странъ, нужно указать, что въ 1900 г. американскіе заводы, фабрики и крупныя ремесленныя заведенія выпустили въ продажу товаровъ на 25 милліардовъ рублей, тогда какъ Россія за тотъ же періодъ произвела на своихъ фабрикахъ и заводахъ товаровъ менѣе чѣмъ на $2^1/_2$ милліарда рублей[1]).

Численность промышленнаго пролетаріата, его концентрированность, его культурность, его политическое значеніе зависятъ несомнѣнно отъ степени развитія капиталистической индустріи. Но это зависимость не непосредственная. Между производительными силами страны и политическими силами ея

[1]) Д. Менделѣевъ. «Къ познанію Россіи», 1906, стр. 99.

классовъ въ каждый данный моментъ пересѣкаются различные соціально-политическіе факторы національнаго и интернаціональнаго характера, и они отклоняютъ и даже совершенно видоизмѣняютъ политическое выраженіе экономическихъ отношеній. Несмотря на то, что производительныя силы индустріи Соединенныхъ Штатовъ въ десять разъ выше, чѣмъ у насъ, политическая роль русскаго пролетаріата, его вліяніе на политику своей страны, возможность его близкаго вліянія на міровую политику несравненно выше, чѣмъ роль и значеніе американскаго пролетаріата.

Въ своей недавно написанной работѣ объ американскомъ пролетаріатѣ Каутскій указываетъ на то, что между политической силой пролетаріата и буржуазіи, съ одной, и уровнемъ капиталистическаго развитія, съ другой стороны, нѣтъ прямого и непосредственнаго соотвѣтствія. «Существуютъ два государства», говоритъ онъ, «діаметрально противоположныя другъ другу: въ одномъ изъ нихъ непомѣрно, т.-е. несоотвѣтственно высотѣ капиталистическаго способа производства, развитъ одинъ изъ элементовъ послѣдняго, въ другомъ — другой; въ Америкѣ — классъ капиталистовъ, въ Россіи — пролетаріатъ. Въ Америкѣ съ большимъ чѣмъ гдѣ бы то ни было основаніемъ можно говорить о диктатурѣ капитала, а борющійся пролетаріатъ нигдѣ не пріобрѣталъ такого значенія, какъ въ Россіи, и это значеніе должно увеличиваться и несомнѣнно увеличится, ибо эта страна лишь недавно стала принимать участіе въ современной классовой борьбѣ и лишь недавно дала для этой борьбы нѣкоторый просторъ.» Указавъ, что Германія можетъ въ извѣстной мѣрѣ изучать свое будущее на Россіи, Каутскій продолжаетъ: «Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно странно, что именно русскій пролетаріатъ укажетъ намъ наше будущее, поскольку оно выражается не въ органи-

заціи капитала, а въ протестѣ рабочаго класса: Рос сія — наиболѣе отсталое изъ всѣхъ большихъ госу дарствъ капиталистическаго міра; это, какъ будто противорѣчитъ — замѣчаетъ Каутскій — матеріали стическому пониманію исторіи, согласно котором экономическое развитіе служитъ основой полити ческаго; но въ сущности, — продолжаетъ онъ, — это противорѣчитъ лишь такому матеріалистическому по ниманію исторіи, какое изображаютъ наши против ники и критики, видящіе въ немъ не методъ изслѣдо ванія, а лишь готовый шаблонъ[1]).»

Итакъ, по оцѣнкѣ Каутскаго, Россія въ экономи ческой области характеризуется относительно низ кимъ уровнемъ капиталистическаго развитія, въ по литической сферѣ — ничтожествомъ капиталисти ческой буржуазіи и могуществомъ революціоннаго пролетаріата. Это приводитъ къ тому, что «борьба за интересы цѣлой Россіи выпала на долю единственнаго имѣющагося въ ней теперь сильнаго класса — промышленнаго пролетаріата. Поэтому послѣдній имѣетъ тамъ громадное политическое значеніе; поэтому же въ Россіи борьба за освобожденіе ея отъ удушающаго ее полипа абсолютизма превратилась въ единоборство послѣдняго съ промышленнымъ рабочимъ классомъ, единоборство, въ которомъ крестьянство можетъ оказать значительную поддержку, но не способно играть руководящую роль».

Не даетъ ли все это намъ права сдѣлать выводъ, что русскій «работникъ» можетъ оказаться у власти раньше, чѣмъ его «хозяинъ»?

Политическій оптимизмъ можетъ быть двоякаго рода. Можно преувеличенно оцѣнивать свои силы и выгоды революціонной ситуаціи и ставить себѣ задачи, разрѣшеніе которыхъ не допускается дан-

[1]) К. Каутскій. «Американскій и русскій рабочій, рус. пер., Спб. 1906 г., стр. 4 и 5.

нымъ соотношеніемъ силъ. Но можно и, наоборотъ, оптимистически ограничивать свои революціонныя задачи предѣломъ, за который насъ неизбѣжно перебросить логика нашего положенія.

Можно ограничивать рамки всѣхъ вопросовъ революціи утвержденіемъ, что наша революція — буржуазная по своимъ объективнымъ цѣлямъ и, значитъ, по своимъ неизбѣжнымъ результатамъ, и можно при этомъ закрывать глаза на тотъ фактъ, что главнымъ дѣятелемъ этой буржуазной революціи является пролетаріатъ, который всѣмъ ходомъ революціи толкается къ власти.

Можно успокаивать себя тѣмъ, что въ рамкахъ буржуазной революціи политическое господство пролетаріата будетъ лишь преходящимъ эпизодомъ, — и можно при этомъ забывать о томъ, что пролетаріатъ, разъ получивъ въ свои руки власть, не отдастъ ее безъ самаго отчаяннаго сопротивленія, не выпуститъ ея, доколѣ она не будетъ у него вырвана вооруженной рукою.

Можно успокаивать себя тѣмъ, что соціальныя условія Россіи еще не созрѣли для соціалистическаго хозяйства, — и можно при этомъ не задумываться надъ тѣмъ, что, ставъ у власти, пролетаріатъ неизбѣжно, всей логикой своего положенія, будетъ толкаться къ веденію хозяйства за государственный счетъ.

Общее соціологическое опредѣленіе — буржуазная революція — вовсе не разрѣшаетъ тѣхъ политико-тактическихъ задачъ, противорѣчій и затрудненій, которыя выдвигаются механикой данной буржуазной революціи.

Въ рамкахъ буржуазной революціи конца XVIII вѣка, имѣвшей своей объективной задачей господство капитала, оказалась возможной диктатура санкюлотовъ. Эта диктатура не была простымъ мимолетнымъ эпизодомъ, она наложила печать на все

послѣдующее столѣтіе, — и это несмотря на то, что она очень скоро сокрушилась объ ограниченныя рамки буржуазной революціи.

Въ революціи начала XX вѣка, которая также является буржуазной по своимъ непосредственнымъ объективнымъ задачамъ, вырисовывается въ ближайшей перспективѣ неизбѣжность или хотя бы только вѣроятность политическаго господства пролетаріата. Чтобъ это господство не оказалось простымъ мимолетнымъ «эпизодомъ», какъ надѣются нѣкоторые реалистическіе филистеры, объ этомъ позаботится самъ пролетаріатъ. Но уже сейчасъ можно поставить передъ собой вопросъ: должна ли неизбѣжно диктатура пролетаріата разбиться о рамки буржуазной революціи или же, на данныхъ міровыхъ историческихъ основаніяхъ, она можетъ открыть предъ собой перспективу побѣды, разбивъ эти ограниченныя рамки? И отсюда вытекаютъ для насъ тактическіе вопросы: должны ли мы сознательно итти навстрѣчу рабочему правительству, по мѣрѣ того, какъ революціонное развитіе приближаетъ насъ къ этому этапу, — или же мы должны смотрѣть въ данное время на политическую власть, какъ на несчастье, которое буржуазная революція готовится обрушить на головы рабочихъ и отъ котораго имъ лучше всего уклониться.

Не приходится ли намъ примѣнить къ себѣ тѣ слова, которыя «реалистическій» политикъ Фольмаръ сказалъ когда то о коммунарахъ 71 г.: вмѣсто того, чтобъ брать въ свои руки власть, они сдѣлали бы лучше, еслибъ пошли спать?

---

5. Пролетаріатъ у власти и крестьянство.

Въ случаѣ рѣшительной побѣды революціи, власть переходитъ въ руки класса, игравшаго въ

борьбѣ руководящую роль, — другими словами, въ руки пролетаріата. Разумѣется, скажемъ тутъ же, это вовсе не исключаетъ вхожденія въ правительство революціонныхъ представителей непролетарскихъ общественныхъ группъ. Они могутъ быть и должны быть, — здравая политика заставитъ пролетаріатъ пріобщить къ власти вліятельныхъ вождей мѣщанства, интеллигенціи или крестьянства. Весь вопросъ въ томъ, кто дастъ содержаніе правительственной политикѣ, кто сплотитъ въ ней однородное большинство? Одно дѣло, когда въ рабочемъ, по составу своего большинства, правительствѣ участвуютъ представители демократическихъ слоевъ народа, — другое дѣло, когда въ опредѣленномъ буржуазно-демократическомъ правительствѣ участвуютъ, въ качествѣ болѣе или менѣе почетныхъ заложниковъ, представители пролетаріата.

Политика либеральной капиталистической буржуазіи во всѣхъ своихъ колебаніяхъ, отступленіяхъ и измѣнахъ очень опредѣленна. Политика пролетаріата еще того болѣе опредѣленна и закончена. Но политика интеллигенціи — въ силу ея соціальной промежуточности и политической гибкости, — политика крестьянства — въ силу его соціальной разнородности, промежуточности, примитивности — политика мѣщанства — опять-таки въ силу его безличности, промежуточности и полнаго отсутствія политическихъ традицій — политика этихъ трехъ общественныхъ группъ совершенно неопредѣленна, неоформлена, полна возможностей и, значитъ, неожиданностей.

Достаточно попытаться представить себѣ революціонное демократическое правительство безъ представителей пролетаріата, чтобъ полная нелѣпость такого представленія ударила въ глаза! Отказъ соціалдемократовъ отъ участія въ революціонномъ правительствѣ означалъ бы полную невозмож-

ность самого революціоннаго правительства и был
бы, такимъ образомъ, измѣной дѣлу революціи. Н
участіе пролетаріата въ правительствѣ и объективн
наиболѣе вѣроятно и принципіально допустимо лиш
какъ доминирующее и руководящее участіе. Можно
конечно, назвать это правительство диктатурой про
летаріата и крестьянства, диктатурой пролетаріата
крестьянства и интеллигенціи или, наконецъ, коали
ціоннымъ правительствомъ рабочаго класса и мелко
буржуазіи. Но все же останется вопросъ: кому при
надлежитъ главенство въ самомъ правительствѣ
черезъ него въ странѣ? И когда мы говоримъ
рабочемъ правительствѣ, то этимъ мы отвѣчаемъ, чт
главенство будетъ принадлежать рабочему классу

Конвентъ, какъ органъ якобинской диктатуры
вовсе не состоялъ изъ однихъ якобинцевъ; болѣе того
якобинцы были въ немъ даже въ меньшинствѣ. Н
вліяніе санкюлотовъ за стѣнами конвента и не
обходимость рѣшительной политики для спасені
страны — передали власть въ руки якобинцевъ. Та
кимъ образомъ конвентъ, будучи формально на
ціональнымъ представительствомъ, составлявшимс
якобинцами, жирондистами и огромнымъ болотомъ
былъ по существу диктатурой якобинцевъ.

Когда мы говоримъ о рабочемъ правительствѣ
мы имѣемъ въ виду господствующее и руководяще
положеніе въ немъ рабочихъ представителей.

Пролетаріатъ не сможетъ упрочить свою власть
не расширивъ базы революціи.

Многіе слои трудящейся массы, особенно въ де
ревнѣ, будутъ впервые вовлечены въ революцію
получатъ политическую организацію лишь послѣ
того, какъ авангардъ революціи, городской проле
таріатъ, станетъ у государственнаго кормила. Ре
волюціонная агитація и организація будутъ прово
диться при помощи государственныхъ средствъ. На
конецъ, сама законодательная власть станетъ мощ

чимъ орудіемъ революціонизированья народныхъ массъ.

При этомъ характеръ нашихъ соціально-историческихъ отношеній, который всю тяжесть буржуазной революціи взваливаетъ на плечи пролетаріата, создастъ для рабочаго правительства не только громадныя трудности, но, по крайней мѣрѣ, въ первый періодъ его существованія, дастъ ему также и неоцѣнимыя преимущества. Это скажется въ отношеніяхъ пролетаріата и крестьянства.

Въ революціяхъ 89—93 гг. и 48 г. власть сперва переходила отъ абсолютизма къ умѣреннымъ элементамъ буржуазіи; эта послѣдняя освобождала крестьянство (какъ — это другой вопросъ) прежде, чѣмъ революціонная демократія получала или собиралась получить власть въ свои руки. Раскрѣпощенное крестьянство теряло всякій интересъ къ политическимъ затѣямъ «горожанъ», т. е. къ дальнѣйшему ходу революціи, и, ложась неподвижнымъ пластомъ въ основу «порядка», выдавало революцію головой цезаристской или исконно-абсолютистской реакціи.

Русская революція не даетъ и еще долго не дастъ установиться какому-нибудь буржуазно-конституціонному порядку, который могъ бы разрѣшить самыя примитивныя задачи демократіи. Что же касается реформаторовъ-бюрократовъ въ стилѣ Витте или Столыпина, то всѣ ихъ «просвѣщенныя» усилія разрушаются ихъ же собственной борьбой за существованіе. Вслѣдствіе этого судьба самыхъ элементарныхъ революціонныхъ интересовъ крестьянства — даже всего крестьянства, какъ сословія — связывается въ судьбой всей революціи, т. е. съ судьбой пролетаріата.

Пролетаріатъ у власти предстанетъ предъ крестьянствомъ, какъ классъ-освободитель.

Господство пролетаріата не только будетъ означать демократическое равенство, свободное само-

управленіе, перенесеніе всей тяжести налоговаго бремени на имущіе классы, раствореніе постоянной арміи въ вооруженномъ народѣ, уничтоженіе обязательныхъ поборовъ церкви, но и признаніе всѣхъ произведенныхъ крестьянами революціонныхъ перетасовокъ (захватовъ) въ земельныхъ отношеніяхъ. Эти перетасовки пролетаріатъ сдѣлаетъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ государственныхъ мѣропріятій въ области сельскаго хозяйства. При такихъ условіяхъ русское крестьянство будетъ во всякомъ случаѣ не меньше заинтересовано въ теченіе перваго наиболѣе труднаго періода — въ поддержаніи пролетарскаго режима («рабочей демократіи»), чѣмъ французское крестьянство было заинтересовано въ поддержаніе военнаго режима Наполеона Бонапарта, гарантировавшаго новымъ собственникамъ силою штыковъ неприкосновенность ихъ земельныхъ участковъ. А это значитъ, что народное представительство, созванное подъ руководствомъ пролетаріата, заручившагося поддержкой крестьянства, явится ничѣмъ инымъ, какъ демократическимъ оформленіемъ господства пролетаріата.

Но можетъ быть само крестьянство оттѣснитъ пролетаріатъ и займетъ его мѣсто?

Это невозможно. Весь историческій опытъ протестуетъ противъ этого предположенія. Онъ показываетъ, что крестьянство совершенно неспособно къ самостоятельной политической роли.

Исторія капитализма — это исторія подчиненія деревни городу. Индустріальное развитіе европейскихъ городовъ сдѣлало въ свое время невозможнымъ дальнѣйшее существованіе феодальныхъ отношеній въ области земледѣльческаго производства. Но сама деревня не выдвинула такого класса, который могъ бы справиться съ революціонной задачей уничтоженія феодализма. Тотъ же городъ, который подчинилъ сельское хозяйство капиталу, выдвинулъ

революціонныя силы, которыя взяли въ свои руки политическую гегемонію надъ деревней и распространили на нее революцію въ государственныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи деревня окончательно попадаетъ въ экономическую кабалу къ капиталу, а крестьянство — въ политическую кабалу къ капиталистическимъ партіямъ. Онѣ возрождаютъ феодализмъ въ парламентарной политикѣ, превращая крестьянство въ свой политическій доменъ, въ мѣсто своей избирательной охоты. Современное буржуазное государство посредствомъ фиска и милитаризма толкаетъ крестьянъ въ пасть ростовщическому капиталу, а посредствомъ государственныхъ поповъ, государственной школы и казарменнаго развращенія дѣлаетъ его жертвой ростовщической политики.

Русская буржуазія сдаетъ пролетаріату всѣ революціонныя позиціи. Ей придется сдать и революціонную гегемонію надъ крестьянствомъ. При той ситуаціи, которая создастся переходомъ власти къ пролетаріату, крестьянству останется лишь присоединиться къ режиму рабочей демократіи. Пусть даже оно сдѣлаетъ это не съ большей сознательностью, чѣмъ оно обычно присоединяется къ буржуазному режиму! Но въ то время, какъ каждая буржуазная партія, овладѣвъ голосами крестьянства, спѣшитъ воспользоваться властью, чтобъ обобрать крестьянство и обмануть его во всѣхъ ожиданіяхъ и обѣщаніяхъ, а затѣмъ, въ худшемъ для себя случаѣ, уступить мѣсто другой капиталистической партіи, пролетаріатъ, опираясь на крестьянство, приведетъ въ движеніе всѣ силы для повышенія культурнаго уровня въ деревнѣ и развитія въ крестьянствѣ политическаго сознанія.

Изъ сказаннаго ясно, какъ мы смотримъ на идею «диктатуры пролетаріата и крестьянства». Суть не въ томъ, считаемъ ли мы ее принципіально-до-

пустимой, «хотимъ» ли мы или «не хотимъ» такой формы политической кооперацiи. Но мы считаемъ ее неосуществимой — по крайней мѣрѣ, въ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. Такого рода коалицiя предполагаетъ, что либо одна изъ существующихъ буржуазныхъ партiй овладѣваетъ крестьянствомъ, либо что крестьянство создаетъ самостоятельную могучую партiю. Ни то, ни другое, какъ мы старались показать, невозможно.

---

6. Пролетарскiй режимъ.

Достигнуть власти пролетарiатъ можетъ только опираясь на нацiональный подъемъ, на общенародное воодушевленiе. Пролетарiатъ вступитъ въ правительство, какъ революцiонный представитель нацiи, какъ признанный народный вождь въ борьбѣ съ абсолютизмомъ и крѣпостнымъ варварствомъ. Но ставъ у власти, пролетарiатъ откроетъ новую эпоху — эпоху революцiоннаго законодательства, положительной политики, — и здѣсь сохраненiе за нимъ роли признаннаго выразителя нацiи вовсе не обезпечено. Первыя мѣропрiятiя пролетарiата — очистка авгiевыхъ конюшенъ стараго режима и изгнанiе ихъ обитателей — встрѣтятъ дѣятельную поддержку всей нацiи, что бы ни говорили либеральные кастраты о прочности нѣкоторыхъ предразсудковъ народныхъ массъ.

Политическая расчистка будетъ дополняться демократической реорганизацiей всѣхъ общественныхъ и государственныхъ отношенiй. Рабочему правительству придется подъ влiянiемъ непосредственныхъ толчковъ и запросовъ вмѣшиваться рѣшительно во всѣ отношенiя и явленiя . . .

Первымъ дѣломъ оно должно будетъ вышвырнуть вонъ всѣхъ запятнавшихъ себя народною кровью

изъ арміи и администраціи, распустить или раскассировать наиболѣе запятнавшіе себя преступленіемъ противъ народа полки; — эту работу необходимо будетъ выполнить въ первые же дни, т. е. задолго до того, какъ возможно будетъ провести систему выборнаго и отвѣтственнаго чиновничества и приступить къ организаціи народной милиціи. Но вѣдь на этомъ дѣло не остановится. Предъ рабочей демократіей немедленно предстанутъ: вопросъ о нормѣ рабочаго времени, аграрный вопросъ и проблема безработицы . . .

Несомнѣнно одно. Каждый новый день будетъ углублять политику пролетаріата у власти и все болѣе и болѣе опредѣлять ея классовый характеръ. И вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ нарушаться революціонная связь между пролетаріатомъ и націей, классовое расчлененіе крестьянства выступитъ въ политической формѣ, антагонизмъ между составными частями будетъ рости въ той мѣрѣ, въ какой политика рабочаго правительства будетъ самоопредѣляться и изъ общедемократической — становиться классовой.

Если отсутствіе сложившихся буржуазно-индивидуалистическихъ традицій и антипролетарскихъ предразсудковъ у крестьянства и интеллигенціи и поможетъ пролетаріату стать у власти, то, съ другой стороны, нужно принять во вниманіе, что это отсутствіе предразсудковъ опирается не на политическое сознаніе, а на политическое варварство, на соціальную неоформленность, примитивность, безхарактерность. А все это такія свойства и черты, которыя никоимъ образомъ не могутъ создать надежнаго базиса для послѣдовательной активной политики пролетаріата.

Уничтоженіе сословнаго крѣпостничества встрѣтитъ поддержку всего крестьянства, какъ тяглаго сословія. Подоходно-прогрессивный налогъ встрѣтитъ поддержку огромнаго большинства крестьян-

ства; но законодательныя мѣры въ защиту земледѣльческаго пролетаріата не только не встрѣтятъ такого активнаго сочувствія большинства, но и натолкнутся на активное сопротивленіе меньшинства.

Пролетаріатъ окажется вынужденнымъ вносить классовую борьбу въ деревню и, такимъ образомъ, нарушать ту общность интересовъ, которая несомнѣнно имѣется у всего крестьянства, но въ сравнительно узкихъ предѣлахъ. Пролетаріату придется въ ближайшіе же моменты своего господства искать опоры въ противопоставленіи деревенской бѣдноты деревенскимъ богачамъ, сельскохозяйственнаго пролетаріата — земледѣльческой буржуазіи. Но если неоднородность крестьянства представитъ затрудненія и сузитъ базисъ пролетарской политики, то недостаточная классовая дифференціація крестьянства будетъ создавать препятствія внесенію въ крестьянство развитой классовой борьбы, на которую могъ бы опереться городской пролетаріатъ. Примитивность крестьянства повернется къ пролетаріату своей враждебной стороной.

Но охлажденіе крестьянства, его политическая пассивность, а тѣмъ болѣе активное противодѣйствіе его верхнихъ слоевъ не смогутъ остаться безъ вліянія на часть интеллигенціи и на городское мѣщанство.

Такимъ образомъ, чѣмъ опредѣленнѣе и рѣшительнѣе будетъ становиться политика пролетаріата у власти, тѣмъ уже будетъ подъ нимъ базисъ, тѣмъ зыбче будетъ почва подъ его ногами. Все это крайне вѣроятно, даже неизбѣжно . . .

Двѣ главныя черты пролетарской политики встрѣтятъ противодѣйствіе со стороны его союзниковъ: это коллективизмъ и интернаціонализмъ.

Мелкобуржуазный характеръ и политическая примитивность крестьянства, деревенская ограниченность кругозора, оторванность отъ міровыхъ политическихъ связей и зависимостей представятъ

страшное затрудненіе для упроченія революціонной политики пролетаріата у власти.

Представлять себѣ дѣло такъ, что соціалдемократія входитъ во временное правительство, руководитъ имъ въ періодъ революціонно-демократическихъ реформъ, отстаивая ихъ наиболѣе радикальный характеръ и опираясь при этомъ на организованный пролетаріатъ, — и затѣмъ, когда демократическая программа выполнена, соціалдемократія выходитъ изъ выстроеннаго ею зданія, уступая мѣсто буржуазнымъ партіямъ, а сама переходитъ въ оппозицію и, такимъ образомъ, открываетъ эпоху парламентарной политики — представлять себѣ дѣло такъ значило бы компрометировать самую идею рабочаго правительства. И не потому, что это «принципіально» недопустимо — такая абстрактная постановка вопроса лишена содержанія, — а потому что это совершенно не реально, это — утопизмъ худшаго сорта, это какой-то революціонно-филистерскій утопизмъ.

И вотъ почему.

Раздѣленіе нашей программы на минимальную и максимальную имѣетъ громадное и глубоко-принципіальное значеніе при томъ условіи, что власть находится въ рукахъ буржуазіи. Именно этотъ фактъ — принадлежность власти буржуазіи — изгоняетъ изъ нашей минимальной программы всѣ требованія, которыя не примиримы съ частной собственностью на средства производства. Эти послѣднія требованія составляютъ содержаніе соціалистической революціи и ихъ предпосылкой является диктатура пролетаріата.

Но разъ власть находится въ рукахъ революціоннаго правительства съ соціалистическимъ большинствомъ, какъ тотчасъ же различіе между минимальной и максимальной программой теряетъ и принципіальное и непосредственно-практическое значеніе. Удержаться въ рамкахъ этого разграниченія

пролетарское правительство никоимъ образомъ н
сможетъ. Возьмемъ требованіе восьмичасового ра
бочаго дня. Оно, какъ извѣстно, отнюдь не про
тиворѣчитъ капиталистическимъ отношеніямъ и по
тому входитъ въ минимальную программу соціал
демократіи. Но представимъ себѣ картину его реаль
наго проведенія въ революціонный періодъ при на
пряженіи всѣхъ соціальныхъ страстей. Несомнѣнно
новый законъ наткнулся бы на организованное и
упорное сопротивленіе капиталистовъ — скажемъ въ
формѣ локаута и закрытія фабрикъ и заводовъ
Сотни тысячъ рабочихъ оказались бы выброшенными
на улицы. Что бы сдѣлало правительство? Бур-
жуазное правительство, какъ бы радикально оно ни
было, никогда не дало бы дѣлу зайти такъ далеко,
ибо передъ закрытыми фабриками и заводами оно
оказалось бы безсильнымъ. Оно бы вынуждено было
пойти на уступки, восьмичасовый рабочій день не
былъ бы введенъ, возмущенія пролетаріата были бы
подавлены . . .

При политическомъ господствѣ пролетаріата проведеніе восьми часового рабочаго дня должно привести къ совершенно другимъ послѣдствіямъ. Закрытіе фабрикъ и заводовъ капиталистами не можетъ быть, разумѣется, основаніемъ къ удлиненію рабочаго дня для правительства, которое хочетъ опираться на пролетаріатъ, а не на капиталъ, какъ либерализмъ, и не играть роли «безпристрастнаго» посредника, какъ буржуазная демократія. Для рабочаго правительства выходъ будетъ только одинъ: экспропріація закрытыхъ фабрикъ и заводовъ и организація на нихъ работъ за общественный счетъ.

Конечно, можно разсуждать такъ. Допустимъ, что рабочее правительство, вѣрное своей программѣ, декретируетъ 8-часовой рабочій день; если капиталъ оказываетъ противодѣйствіе, не преодолимое средствами демократической программы, предполага-

ющей сохраненіе частной собственности, — соціалдемократія уходитъ въ отставку, апеллируя къ пролетаріату. Такое рѣшеніе было бы рѣшеніемъ только съ точки зрѣнія той группы, которая составляла персоналъ правительства, — но это не рѣшеніе съ точки зрѣнія пролетаріата или съ точки зрѣнія развитія самой революціи. Потому что послѣ выхода въ отставку соціалдемократіи, положеніе окажется такое же, какое было прежде и какое заставило ее взять эту власть. Бѣгство въ виду организованнаго противодѣйствія капитала будетъ еще большей измѣной революціи, чѣмъ отказъ взять въ свои руки власть: ибо, поистинѣ, лучше не входить, чѣмъ войти только для того, чтобы обнаружить свое безсиліе и уйти.

Еще примѣръ. Пролетаріатъ у власти не сможетъ не принять самыхъ энергичныхъ мѣръ для рѣшенія вопроса о безработицѣ, ибо само собою разумѣется, что представители рабочихъ, входящіе въ составъ правительства, не смогутъ на требованія безработныхъ отвѣчать ссылкой на буржуазный характеръ революціи.

Но если только государство возьметъ на себя обезпеченіе существованія безработныхъ — для насъ сейчасъ безразлично, въ какой формѣ, — этимъ будетъ сразу совершено огромное перемѣщеніе экономической силы въ сторону пролетаріата. Капиталисты, давленіе которыхъ на пролетаріатъ всегда опиралось на фактъ существованія резервной арміи, почувствуютъ себя экономически-безсильными, а революціонное правительство обречетъ ихъ въ то же время на политическое безсиліе.

Взявъ на себя поддержку безработныхъ, государство тѣмъ самымъ беретъ на себя задачу обезпеченія существованія стачечниковъ. Если оно этого не сдѣлаетъ, оно сразу и непоправимо подкопаетъ подъ собой устои своего существованія.

Фабрикантамъ не останется ничего другого, какъ прибѣгнуть къ локауту, т. е. къ закрытію фабрикъ. Совершенно ясно, что фабриканты дольше выдержатъ пріостановку производства, чѣмъ рабочіе, — и рабочему правительству на массовый локаутъ останется только одинъ отвѣтъ: экспропріація фабрикъ и введеніе въ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ крупнѣйшихъ, государственнаго или коммунальнаго производства.

Въ области сельскаго хозяйства аналогичныя проблемы создадутся уже самимъ фактомъ экспропріаціи земли. Никоимъ образомъ нельзя предположить, что пролетарское правительство, экспропріировавъ частновладѣльческія имѣнія съ крупнымъ производствомъ, разобьетъ ихъ на участки и продастъ для эксплуатаціи мелкимъ производителямъ; единственный путь для него — это организація кооперативнаго производства подъ коммунальнымъ контролемъ или прямо за государственный счетъ. Но это — путь соціализма.

Все это совершенно ясно показываетъ, что соціалдемократія не можетъ вступить въ революціонное правительство, давъ предварительно пролетаріату обязательство ничего не уступать изъ минимальной пограммы и обѣщавъ буржуазіи не переступать за предѣлы минимальной программы. Такое двустороннее обязательство было бы совершенно невыполнимымъ. Вступая въ правительство не какъ безсильные заложники, а какъ руководящая сила, представители пролетаріата тѣмъ самымъ разрушаютъ грань между минимальной и максимальной программой, т. е. ставятъ коллективизмъ въ порядокъ дня. На какомъ пунктѣ пролетаріатъ будетъ остановленъ въ этомъ направленіи, это зависитъ отъ соотношенія силъ, но никакъ не отъ первоначальныхъ намѣреній партіи пролетаріата.

Вотъ почему не можетъ быть и рѣчи о какой-то особенной формѣ пролетарской диктатуры въ бур-

жуазной революціи, именно о демократической диктатурѣ пролетаріата (или пролетаріата и крестьянства). Рабочій классъ не сможетъ обезпечить демократическій характеръ своей диктатуры, не переступая за границы своей демократической программы. Всякія иллюзіи на этотъ счетъ были бы совершенно пагубны. Онѣ скомпрометировали бы соціалдемократію съ самаго начала.

Разъ партія пролетаріата возьметъ власть, она будетъ бороться за нее до конца. Если однимъ средствомъ этой борьбы за сохраненіе и упроченіе власти будетъ агитація и организація, особенно въ деревнѣ, то другимъ средствомъ будетъ коллективистская политика. Коллективизмъ станетъ не только неизбѣжнымъ выводомъ изъ положенія партіи у власти, но и средствомъ сохранить это положеніе, опираясь на пролетаріатъ.

Когда въ соціалистической прессѣ была формулирована идея непрерывной революціи, связывающей ликвидацію абсолютизма и гражданскаго крѣпостничества съ соціалистическимъ переворотомъ рядомъ наростающихъ соціальныхъ столкновеній, возстаній новыхъ слоевъ массы, непрекращающихся атакъ пролетаріата на политическія и экономическія привилегіи господствующихъ классовъ, наша «прогрессивная» печать подняла единодушный негодующій вой. О, она многое терпѣла, но этого не можетъ допустить. Революція, кричала она, не есть путь, который можно «узаконять»! Примѣненіе исключительныхъ средствъ позволительно лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Цѣль освободительнаго движенія не увѣковѣчить революцію, но по возможности скорѣе ввести ее въ русло права. И т. д., и пр.

Болѣе радикальные представители той же демократіи не рискуютъ выступать противъ революціи

съ точки зрѣнія уже сдѣланныхъ конституціонныхъ «завоеваній»: даже для нихъ этотъ парламентарный кретинизмъ, упредившій самое возникновеніе парламентаризма, не представляется сильнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ революціей пролетаріата. Они избираютъ другой путь; они становятся не на почву права, а на почву того, что имъ кажется фактами, — на почву историческихъ «возможностей», — на почву политическаго «реализма», — наконецъ . . . наконецъ, даже на почву «марксизма». Почему бы нѣтъ? Еще Антоніо, благочестивый буржуа Венеціи, очень мѣтко сказалъ:

«Замѣть себѣ: ссылаться можетъ чортъ
На доводы священнаго писанья» . . .

Они не только считаютъ фантастической самую идею рабочаго правительства въ Россіи, но и отвергаютъ возможность соціалистической революціи въ Европѣ въ ближайшую историческую эпоху. Еще нѣтъ на лицо необходимыхъ «предпосылокъ». Вѣрно ли это? Дѣло, конечно, не въ томъ, чтобъ назначить срокъ соціалистической революціи, а въ томъ, чтобы установить ее въ реальныя историческія перспективы.

7. Предпосылки соціализма.

Марксизмъ сдѣлалъ изъ соціализма науку. Это не мѣшаетъ инымъ «марксистамъ» дѣлать изъ марксизма утопію.

Рожковъ, выступая противъ программы соціализаціи и коопераціи, слѣдующимъ образомъ изображаетъ «тѣ необходимыя предпосылки будущаго строя, которыя незыблемо утверждены Марксомъ». «Развѣ теперь», говоритъ Рожковъ, «имѣется уже на лицо матеріальная объективная его предпосылка, заключающаяся въ такомъ развитіи техники, которое довело бы мотивъ личной выгоды и

аличность (?) личной энергіи, предпріимчивости и иска до минимума и тѣмъ выдвинуло бы на первый ланъ общественное производство; такая техника эснѣйшимъ образомъ связана съ почти полнымъ (!) осподствомъ крупнаго производства во всѣхъ (!) трасляхъ хозяйства, а развѣ этотъ результатъ достигнутъ? — Отсутствуетъ и психологическая, субъективная предпосылка — ростъ классового сознанія ролетаріата, доходящій до духовнаго объединенія одавляющаго большинства народныхъ массъ. — ы знаемъ, — говоритъ Рожковъ далѣе, — и теперь римѣры производительныхъ ассоціацій: таковъ, апр., извѣстный французскій стеклянный заводъ ь Альби и нѣкоторыя земледѣльческія ассоціаціи ь той же Франціи . . . И вотъ указанные французскіе опыты какъ нельзя лучше показываютъ, что юже хозяйственныя условія такой передовой страны, акъ Франція, недостаточно развиты, чтобы создать эзможность господства коопераціи: предпріятія эти едних размѣровъ, техническій уровень ихъ — не ише обыкновенныхъ капиталистическихъ предпріятій, они не идутъ во главѣ промышленнаго развитія, руководятъ имъ, а подходятъ къ скромному среднему уровню. Только тогда, когда отдѣльные опыты роизводительныхъ ассоціацій укажутъ на ихъ руководящую роль въ хозяйственной жизни, — только гда мы близки къ новому строю, только тогда мы ожемъ быть увѣрены, что сложились необходимыя редпосылки для его осуществленія»[1]).

Уважая добрыя намѣренія т. Рожкова, мы съ орченіемъ должны, однако, признать, что даже буржуазной литературѣ намъ рѣдко приходилось стрѣчать бòльшую путаницу по части такъ называемыхъ предпосылокъ соціализма. На этой путаницѣ стоитъ остановиться, — если не ради Рожкова, ради вопроса.

[1]) Н. Рожковъ. «Къ аграрному вопросу», стр. 21 и 22.

Рожковъ заявляетъ, что теперь еще нѣтъ «т
кого развитія техники, которое довело бы моти
личной выгоды и наличности (?) личной энергі
предпріимчивости и риска до минимума и тѣм
выдвинуло бы на первый планъ общественное пр
изводство». Смыслъ этой фразы открыть не легк
Повидимому, все же, т. Рожковъ хочетъ сказат
что, во-первыхъ, современная техника еще недост
точно вытѣснила изъ промышленности живой ч
ловѣческій трудъ; что, во-вторыхъ, такое вытѣснен
предполагаетъ «почти» полное господство крупны
предпріятій во всѣхъ отрасляхъ хозяйства, и, зн
читъ, «почти» полную пролетаризацію всего населен
страны.

Таковы двѣ предпосылки, якобы «незыблем
установленныя Марксомъ».

Попытаемся представить себѣ ту картину кап
талистическихъ отношеній, которую застанетъ с
ціализмъ по методу Рожкова. «Почти полное госпо
ство крупныхъ предпріятій во всѣхъ отрасляхъ пр
мышленности» при капитализмѣ означаетъ, какъ у
сказано, пролетаризацію всѣхъ мелкихъ и средни
производителей въ области земледѣлія и индустрі
т.-е. превращеніе всего населенія въ пролетарско
Но полное господство машинной техники на эти
крупныхъ предпріятіяхъ доводитъ до минимума п
требленіе живого труда, и, такимъ образомъ, огромн
большинство населенія страны, надо думать пр
центовъ 90, превращается въ резервную армію, к
торая живетъ на государственный счетъ въ работны
домахъ. Мы взяли процентовъ 90, но ничто не м
шаетъ намъ быть логичными и представить себѣ так
состояніе, при которомъ все производство пре
ставляетъ собой единый автоматическій механизм
принадлежащій единому синдикату и требующій
качествѣ живого труда только одного дрессирова
наго орангъ-утанга. Это, какъ извѣстно, и есть осл

пительно-послѣдовательная теорія Туганъ-Барановскаго. При такихъ условіяхъ «общественное производство» не только выдвигается «на первый планъ», но овладѣваетъ всѣмъ полемъ; мало того, наряду съ нимъ и притомъ совершенно естественно организуется и общественное потребленіе, такъ какъ очевидно, что вся нація, кромѣ 10% треста, будетъ жить на общественный счетъ въ работныхъ домахъ. Такимъ образомъ изъ-за спины т. Рожкова намъ улыбается хорошо знакомое намъ лицо г. Туганъ-Барановскаго. — Дальше наступаетъ соціализмъ: населеніе выходитъ изъ работныхъ домовъ и экспропріируетъ группу экспропріаторовъ. Ни революціи, ни диктатуры пролетаріата при этомъ, разумѣется, не понадобится.

Второй, экономическій признакъ зрѣлости страны для соціализма, по Рожкову, это возможность господства въ ней кооперативнаго производства. Даже во Франціи кооперативный заводъ въ Альби не выше другихъ капиталистическихъ предпріятій. Соціалистическое производство станетъ возможнымъ лишь тогда, когда кооперативы окажутся во главѣ промышленнаго развитія, какъ руководящія предпріятія.

Все разсужденіе съ начала до конца вывернуто на изнанку. Кооперативы не могутъ стать во главѣ промышленнаго развитія не потому, что хозяйственное развитіе еще недостаточно подвинулось впередъ, а потому что оно слишкомъ далеко подвинулось впередъ. Несомнѣнно, экономическое развитіе создаетъ почву для кооперации, — но для какой? Для капиталистической кооперации, основанной на наемномъ трудѣ, — каждая фабрика представляетъ картину такой капиталистической кооперации. Съ развитіемъ техники растетъ и значеніе этихъ кооперацій. — Но какимъ образомъ развитіе капитализма можетъ дать мѣсто «во главѣ промышлен-

ности» товарищескимъ предпріятіямъ. На чемъ основываетъ т. Рожковъ свои надежды на то, что коопераціи оттѣснятъ синдикаты и тресты и займутъ ихъ руководящее мѣсто во главѣ промышленнаго развитія? Очевидно, что еслибъ это случилось, то коопераціи должны были бы далѣе чисто автоматически экспропріировать всѣ капиталистическія предпріятія, послѣ чего имъ оставалось бы соотвѣтственно понизить рабочій день, чтобы дать работу всѣмъ гражданамъ, и установить соотвѣтствіе размѣровъ производства въ разныхъ отрасляхъ, чтобы избѣжать кризисовъ. Этимъ путемъ соціализмъ оказался бы установленнымъ въ своихъ основныхъ чертахъ. Опять-таки ясно, что ни въ революціи, ни въ диктатурѣ рабочаго класса совершенно не представилось бы никакой нужды.

Третья предпосылка — психологическая: необходимъ «ростъ классового сознанія пролетаріата, доходящій до духовнаго объединенія подавляющаго большинства народныхъ массъ». Такъ какъ подъ духовнымъ объединеніемъ, очевидно, нужно въ данномъ случаѣ понимать сознательную соціалистическую солидарность, значитъ т. Рожковъ считаетъ, что психологической предпосылкой соціализма является объединеніе въ рядахъ соціалдемократіи «подавляющаго большинства народныхъ массъ». Такимъ образомъ, Рожковъ, очевидно, полагаетъ, что капитализмъ, ввергающій мелкихъ производителей въ ряды пролетаріата, а массы пролетаріевъ — въ ряды резервной арміи, дастъ соціалдемократіи возможность духовно объединить и просвѣтить подавляющее большинство (процентовъ 90?) народныхъ массъ.

Это такъ же мало осуществимо въ мірѣ капиталистическаго варварства, какъ и господство коопераціи въ царствѣ капиталистической конкуренціи. Но еслибъ это было осуществимо, то, естественно, что сознательно и духовно объединенное «подавля-

ющее большинство» націи безъ всякихъ затрудненій сняло бы немногихъ магнатовъ капитала и организовало бы соціалистическое хозяйство безъ всякихъ революцій и диктатуръ.

Передъ нами невольно встаетъ слѣдующій вопросъ. Рожковъ считаетъ себя ученикомъ Маркса. А между тѣмъ Марксъ, излагавшій въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» «незыблемыя предпосылки соціализма», смотрѣлъ на революцію 48 г., какъ на непосредственный прологъ соціалистической революціи. Конечно, теперь, черезъ 60 лѣтъ, не нужно много проницательности, чтобъ увидѣть, что Марксъ ошибся, ибо капиталистическій міръ, какъ мы знаемъ, существуетъ. Но какъ могъ Марксъ такъ ошибиться? Развѣ онъ не видѣлъ, что крупныя предпріятія еще не господствуютъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности? Что производительныя товарищества еще не стоятъ во главѣ крупныхъ предпріятій? Что подавляющее большинство народа еще не объединено на почвѣ идей «Коммунистическаго Манифеста»? Если мы видимъ, что всего этого нѣтъ и теперь, то какъ же Марксъ не видѣлъ, что ничего подобнаго не было въ 48 году? — Поистинѣ, Марксъ 48-го года — это утопическій младенецъ предъ лицомъ многихъ нынѣшнихъ безошибочныхъ автоматовъ марксизма! . . .

Мы видимъ, такимъ образомъ, что т. Рожковъ, отнюдь не принадлежащій къ критикамъ Маркса, тѣмъ не менѣе совершенно уничтожаетъ пролетарскую революцію, какъ необходимую предпосылку соціализма. Такъ какъ Рожковъ только черезчуръ послѣдовательно выразилъ воззрѣнія, раздѣляемыя немалымъ числомъ марксистовъ въ обоихъ теченіяхъ нашей партіи, то слѣдуетъ остановиться на принципіальныхъ, методологическихъ основахъ его заблужденій.

Нужно, впрочемъ, оговориться, что соображенія

Рожкова о судьбѣ коопераціи представляютъ его индивидуальную собственность. Мы лично нигдѣ и никогда не встрѣчали соціалистовъ, которые, съ одной стороны, вѣрили бы въ такой простой неотразимый ходъ концентраціи производства и пролетаризаціи народныхъ массъ, и въ то же время питали бы вѣру въ руководящую роль производительныхъ товариществъ до пролетарской революціи. Соединеніе этихъ двухъ предпосылокъ въ экономической эволюціи гораздо труднѣе, чѣмъ ихъ соединеніе въ одной головѣ; хотя и это послѣднее намъ всегда казалось невозможнымъ.

Но мы остановимся на двухъ другихъ «предпосылкахъ», формулирующихъ болѣе типическіе предразсудки.

Несомнѣнно, что предпосылками соціализма являются и развитіе техники и концентрація производства и ростъ сознанія массъ. Но всѣ эти процессы совершаются одновременно и не только подталкиваютъ и подгоняютъ другъ друга, но и задерживаютъ и ограничиваютъ другъ друга. Каждый изъ этихъ процессовъ высшаго порядка требуетъ извѣстнаго развитія другого процесса низшаго порядка, — но полное развитіе каждаго изъ нихъ непримиримо съ полнымъ развитіемъ другихъ.

Развитіе техники имѣетъ, безспорно, своимъ идеальнымъ предѣломъ единый автоматическій механизмъ, который захватываетъ сырые матеріалы изъ нѣдръ природы и выбрасываетъ къ ногамъ человѣка готовые предметы потребленія. Еслибъ существованіе капитализма не было ограничено классовыми отношеніями и вытекающей изъ нихъ революціонной борьбой, то мы имѣли бы право предположить, что техника, приблизившись къ идеалу единаго автоматическаго механизма въ рамкахъ капиталистическаго хозяйства, тѣмъ самымъ автоматически упразднитъ капитализмъ.

Концентрація производства, вытекающая изъ аконовъ конкурренціи, имѣетъ своей внутренней енденціей пролетаризацію всего населенія. И, изоировавъ эту тенденцію, мы имѣли бы право предоложить, что капитализмъ доведетъ свое дѣло до онца, еслибъ процессъ пролетаризаціи не былъ рерванъ революціоннымъ переворотомъ, неизбѣжымъ при извѣстномъ соотношеніи классовыхъ силъ – задолго до того, какъ онъ превратитъ большинство аселенія въ резервную армію, населяющую тюемныя общежитія.

Далѣе. Ростъ сознанія, благодаря опыту поседневной борьбы и сознательнымъ усиліямъ соіалистическихъ партій, несомнѣнно идетъ поступательно впередъ, — и, изолировавъ этотъ процессъ, ы можемъ мысленно довести его до того момента, огда подавляющее большинство народа будетъ охвано профессіональными и политическими организаціями, объединено чувствомъ солидарности и динствомъ цѣли. И еслибъ этотъ процессъ дѣйтвительно могъ наростать количественно, не измѣняясь качественно, то соціализмъ могъ бы быть существленъ мирно, путемъ единодушнаго сознаельнаго акта гражданъ XXI или XXII столѣтій.

Но вся суть въ томъ, что эти процессы, историски предпосылаемые соціализму, не развиваются золированно, но ограничиваютъ друга друга и остигши извѣстнаго момента, опредѣляемаго многими обстоятельствами, но во всякомъ случаѣ очень алекаго отъ ихъ математическаго предѣла, каественно перерождаются и въ своей сложной комнаціи создаютъ то, что мы понимаемъ подъ именемъ оціальной революціи.

Начнемъ съ послѣдняго процесса, роста сознанія. нъ совершается, какъ извѣстно, не въ академіяхъ, ь которыхъ пролетаріатъ можно искусственно заржать въ теченіе 50, 100, 500 лѣтъ, но въ живу-

щемъ полной жизнью капиталистическомъ обществ
на основѣ непрерывной классовой борьбы. Рост
сознанія пролетаріата преобразуетъ эту классову
борьбу, придаетъ ей болѣе глубокій, принципіальны
характеръ и вызываетъ соотвѣтственную реакці
господствующихъ классовъ. Борьба пролетаріата с
буржуазіей имѣетъ свою логику, которая, все болѣ
и болѣе обостряясь, доведетъ дѣло до развязки г
раздо раньше, чѣмъ крупныя предпріятія начнут
всецѣло господствовать во всѣхъ отрасляхъ хозяй
ства.

Далѣе, само собою разумѣется, что ростъ полити
ческаго сознанія опирается на ростъ численност
пролетаріата, — причемъ пролетарская диктатур
предполагаетъ, что пролетаріатъ достигъ такой числен
ности, что можетъ преодолѣть сопротивленіе бу
жуазной контръ-революціи. Это вовсе не значит
однако, что «подавляющее большинство» населені
должно состоять изъ пролетаріевъ, а «подавляющ
большинство» пролетаріата изъ сознательныхъ с
ціалистовъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что сознател
но-революціонная армія пролетаріата должна быт
сильнѣе контръ-революціонной арміи капитала; тогд
какъ промежуточные сомнительные или индифф
рентные слои населенія должны находиться въ т
комъ положеніи, чтобъ режимъ пролетарской дикт
туры привлекалъ ихъ на сторону революціи, а н
толкалъ въ ряды ея враговъ. Разумѣется, политик
пролетаріата должна сознательно сообразоваться с
этимъ.

Все это предполагаетъ, въ свою очередь, гег
монію индустріи надъ земледѣліемъ и преобладан
города надъ деревней.

Попробуемъ разсмотрѣть предпосылки социали
ма въ порядкѣ убывающей общности и возраст
ющей сложности.

1. Соціализмъ не есть только вопросъ равномѣрнаго распредѣленія, но и вопросъ планомѣрнаго производства. Соціалистическое, т.-е. кооперативное производство въ большихъ размѣрахъ возможно лишь при условіи такого развитія производительныхъ силъ, которое дѣлаетъ крупное предпріятіе болѣе производительнымъ, чѣмъ мелкое. Чѣмъ выше перевѣсъ крупнаго предпріятія надъ мелкимъ, т.-е. чѣмъ развитѣе техника, тѣмъ больше должны быть хозяйственныя выгоды отъ соціализаціи производства, тѣмъ выше, слѣдовательно, долженъ быть культурный уровень всего населенія при равномѣрномъ распредѣленіи, основанномъ на планомѣрномъ производствѣ.

Эта первая объективная предпосылка соціализма имѣется на лицо уже давно. Съ тѣхъ поръ, какъ общественное раздѣленіе труда привело къ раздѣленію труда въ мануфактурѣ; еще въ большей мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ мануфактура стала смѣняться фабрикой, примѣняющей систему машинъ, — крупное предпріятіе становилось все болѣе и болѣе выгоднымъ, а значитъ и соціализація крупнаго предпріятія должна была дѣлать общество все болѣе и болѣе богатымъ. Ясно, что переходъ всѣхъ ремесленныхъ мастерскихъ въ общую собственность всѣхъ ремесленниковъ нисколько не обогатилъ бы ихъ; тогда какъ переходъ мануфактуры въ общую собственность ея частичныхъ рабочихъ, или переходъ фабрики въ руки наемныхъ производителей, или лучше сказать, переходъ всѣхъ средствъ крупнаго фабричнаго производства въ руки всего населенія несомнѣнно поднялъ бы его матеріальный уровень, — и притомъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ высшей ступени достигло крупное производство.

Въ соціалистической литературѣ цитировалось предложеніе члена англійской палаты общинъ Беллерса, который за сто лѣтъ до заговора Бабефа,

именно въ 1696 г., внесъ въ парламентъ проектъ объ организаціи кооперативныхъ товариществъ, самостоятельно удовлетворяющихъ всѣмъ своимъ потребностямъ. По вычисленіямъ англичанина такой производительный коллективъ долженъ былъ состоять изъ 200—300 человѣкъ. Мы не можемъ здѣсь заняться провѣркой его выводовъ — да это для насъ и не существенно — важно лишь то, что коллективистское хозяйство, хотя бы только въ размѣрѣ 100, 200, 300 или 500 человѣкъ, представляло уже въ концѣ XVII вѣка производственныя выгоды.

Въ началѣ XIX в. Фурье проектировалъ производственно-потребительныя ассоціаціи, фаланстеры, въ 2000—3000 человѣкъ каждая. Разсчеты Фурье никоимъ образомъ не отличались точностью; но во всякомъ случаѣ развитіе мануфактурной системы къ его времени подсказывало ему уже несравненно болѣе обширные размѣры для хозяйственныхъ коллективовъ, чѣмъ въ приведенномъ выше примѣрѣ. Ясно, однако, что какъ ассоціаціи Джона Беллерса, такъ и фаланстеры Фурье гораздо ближе по своему характеру къ свободнымъ хозяйственнымъ общинамъ, о которыхъ мечтаютъ анархисты и утопичность которыхъ состоитъ не въ томъ, что онѣ вообще «невозможны» или «противоестественны» (коммунистическія общины Америки доказали, что онѣ возможны), а въ томъ, что онѣ отстали отъ хода экономическаго развитія на 100—200 лѣтъ.

Развитіе общественнаго раздѣленія труда, съ одной стороны, машиннаго производства, съ другой, привело къ тому, что въ настоящее время единственный кооперативъ, который можетъ использовать въ широкихъ размѣрахъ выгоды коллективистскаго хозяйства — это государство. Да и въ замкнутыхъ границахъ отдѣльныхъ государствъ соціалистическое производство уже не могло бы вмѣститься — какъ по экономическимъ, такъ и по политическимъ причинамъ.

Атлантикусъ, нѣмецкій соціалистъ, не стоящій на точкѣ зрѣнія Маркса, вычислилъ въ концѣ прошлаго столѣтія экономическія выгоды соціалистическаго хозяйства въ примѣненіи къ такой единицѣ, какъ Германія. Антлантикусъ меньше всего отличается полетомъ фантазіи; его мысль вообще движется въ коллеѣ хозяйственной рутины капитализма, онъ опирается на авторитетныхъ писателей нынѣшней агрономіи и технологіи, — и въ этомъ не только его слабая, но его и сильная сторона, такъ какъ она во всякомъ случаѣ обезпечиваетъ его отъ неумѣреннаго оптимизма. Такъ или иначе, Антлантикусъ приходитъ къ выводу, что при цѣлесообразной организаціи соціалистическаго хозяйства, подъ условіемъ использованія техническихъ средствъ середины 90-хъ годовъ XIX вѣка, доходъ рабочаго можетъ быть увеличенъ вдвое или втрое, а рабочее время уменьшено до половины нынѣшняго размѣра.

Не нужно, разумѣется, думать, что Атлантикусъ впервые доказалъ выгодность соціализма: высшая производительность труда въ крупныхъ хозяйствахъ, съ одной стороны, необходимость планомѣрности производства, доказываемая кризисами, съ другой стороны, свидѣтельствовали о хозяйственныхъ преимуществахъ соціализма гораздо краснорѣчивѣе, чѣмъ соціалистическая бухгалтерія Атлантикуса. Его заслуга состоитъ лишь въ томъ, что онъ выразилъ это преимущество въ приблизительныхъ цифровыхъ отношеніяхъ.

Изъ всего сказаннаго мы имѣемъ право сдѣлать тотъ выводъ, что если дальнѣйшее возрастаніе техническаго могущества человѣка дѣлаетъ соціализмъ все болѣе и болѣе выгоднымъ, то достаточныя техническія предпосылки для коллективистскаго производства — въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ — имѣются уже въ теченіе одного-двухъ столѣтій, а въ настоящее время соціализмъ технически выгоденъ

не только въ государственныхъ, но въ огромной мѣрѣ и въ міровыхъ размѣрахъ.

Однихъ техническихъ преимуществъ соціализма, однако, совершенно недостаточно для его осуществленія. Въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ крупное производство проявляло свои преимущества — не въ соціалистической, а въ капиталистической формѣ. Ни проектъ Беллерса, ни проектъ Фурье не были осуществлены. Почему? Потому, что не нашлось въ то время соціальной силы, готовой и способной ихъ осуществить.

2. Тутъ мы отъ производственно-технической предпосылки переходимъ къ соціально-экономической, — менѣе общей, но болѣе сложной. Еслибъ мы имѣли дѣло не съ антагонистическимъ классовымъ обществомъ, а съ однороднымъ товариществомъ, которое сознательно выбираетъ для себя систему хозяйства, тогда, несомнѣнно, однихъ вычисленій Атлантикуса было бы совершенно достаточно, чтобы приступить къ соціалистическому строительству. Самъ Атлантикусъ, соціалистъ очень вульгарнаго типа, такъ именно и смотритъ на свой трудъ.

Такая точка зрѣнія при настоящихъ условіяхъ могла бы быть примѣнима лишь въ предѣлахъ частнаго хозяйства, единоличнаго или акціонернаго. Всегда можно предполагать, что любой проектъ хозяйственныхъ реформъ (введеніе новыхъ машинъ, новыхъ сырыхъ матеріаловъ, иного распорядка работъ, иной системы вознагражденія) будетъ принятъ владѣльцемъ, если только проектъ этотъ съ несомнѣнностью обнаруживаетъ коммерческую выгодность реформы. Но поскольку мы имѣемъ дѣло съ общественнымъ хозяйствомъ, этого одного уже недостаточно. Тутъ борются враждебные интересы. Что выгодно одному, то невыгодно другому. Классовый эгоизмъ выступаетъ не только противъ классоваго эгоизма, но и противъ выгодъ цѣлаго. Слѣдо-

вательно, для осуществленія соціализма необходимо, чтобы въ средѣ антагонистическихъ классовъ капиталистическаго общества имѣлась на лицо соціальная сила, по своему объективному положенію заинтересованная въ осуществленіи соціализма, и, по своему могуществу, способная осуществить его, преодолѣвъ враждебные интересы и противодѣйствія.

Одна изъ основныхъ заслугъ научнаго соціализма состоитъ именно въ томъ, что онъ теоретически открылъ такую соціальную силу въ лицѣ пролетаріата и показалъ, что этотъ классъ, неизбѣжно растущій вмѣстѣ съ капитализмомъ, можетъ найти свое спасеніе только въ соціализмѣ; что всѣмъ своимъ положеніемъ онъ толкается къ соціализму, и что доктрина соціализма въ капиталистическомъ обществѣ не можетъ не стать въ концѣ концовъ идеологіей пролетаріата.

Легко понять, поэтому, какой колоссальный шагъ назадъ отъ марксизма дѣлаетъ Атлантикусъ, когда увѣряетъ, что разъ доказано, что «при переходѣ средствъ производства въ руки государства не только можетъ быть достигнуто всеобщее благосостояніе, но еще сократится рабочее время, то совершенно безразлично, оправдывается ли теорія концентраціи капиталовъ, исчезновенія промежуточныхъ слоевъ населенія или нѣтъ» . . .

Разъ доказана выгодность соціализма, тогда незачѣмъ, по мнѣнію Атлантикуса, «возлагать всѣ свои надежды на фетишъ хозяйственнаго развитія, а слѣдуетъ предпринять обширныя изслѣдованія и приступить (!) къ всесторонней и тщательной подготовкѣ перехода отъ частнаго къ государственному или «общественному» производству»[1]).

Возражая противъ чисто оппозиціонной тактики соціалдемократіи и предлагая немедленно «присту-

[1]) Антлантикусъ: «Государство будущаго», изд. книгоиз. «Дѣло», С.-Пб., 1906 г., стр. 22 и 23.

нить» къ подготовкѣ соціалистическаго преобразованія, Атлантикусъ забываетъ, что соціалдемократія еще не имѣетъ для этого необходимой власти, а правительство и большинство германскаго рейхстага, хотя и имѣютъ въ рукахъ власть, но отнюдь не намѣрены приступать къ проведенію соціализма. Соціалистическій проектъ Атлантикуса такъ же мало убѣдителенъ для нихъ, какъ проектъ Фурье для реставрированныхъ Бурбоновъ, — хотя послѣдній опирался въ своемъ политическомъ утопизмѣ на пламенную фантазію въ области хозяйственнаго творчества, а Атлантикусъ — въ своемъ отнюдь не меньшемъ политическомъ утопизмѣ опирается на убѣдительную филистерски-трезвую бухгалтерію.

Каковъ же долженъ быть уровень соціальной дифференціаціи для того, чтобы вторая предпосылка имѣлась на лицо? Иначе сказать, какова должна быть относительная численность пролетаріата? Долженъ ли онъ составлять половину населенія, двѣ трети, или девять десятыхъ?

Совершенно безнадежнымъ предпріятіемъ было бы стремленіе намѣтить голыя ариѳметическія рамки этой второй предпосылки соціализма. Прежде всего при такомъ схематизмѣ выступилъ бы вопросъ, кого отнести къ пролетаріату: причислять ли въ нему обширный слой полупролетаріевъ-полукрестьянъ? Причислять ли резервныя массы городскихъ пролетаріевъ, которые, съ одной стороны, переходятъ въ паразитическій пролетаріатъ нищихъ и воровъ, а, съ другой, наполняютъ собою городскія улицы въ роли мелкихъ торговцевъ, играющихъ паразитическую роль по отношенію къ хозяйственному цѣлому? Этотъ вопросъ далеко не такъ простъ.

Значеніе пролетаріата опирается всецѣло на его роль въ крупномъ производствѣ. Буржуазія въ своей борьбѣ за политическое господство опирается на свое экономическое могущество. Прежде чѣмъ

она успѣваетъ взять въ свои руки государственную власть, она сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ средства производства страны; это и опредѣляетъ ея удѣльный вѣсъ. Пролетаріатъ же, вопреки кооперативистскимъ фантасмагоріямъ, вплоть до соціалистической революціи будетъ лишенъ средствъ производствъ. Его соціальное могущество вытекаетъ изъ того, что средства производства, находящіяся въ рукахъ буржуазіи, могутъ быть приведены въ движеніе только имъ, пролетаріатомъ. Съ точки зрѣнія буржуазіи пролетаріатъ является также однимъ изъ средствъ производства, составляющимъ въ соединеніи съ другими единый цѣльный механизмъ; но пролетаріатъ есть единственная не-автоматическая часть этого механизма, и несмотря на всѣ усилія ее нельзя довести до состоянія автоматизма. Такое положеніе даетъ возможность пролетаріату пріостановить по своей волѣ правильное функціонированіе общественнаго хозяйства — въ части или въ цѣломъ (частныя или общія стачки).

Отсюда ясно, что значеніе пролетаріата — при одинаковой численности — тѣмъ выше, чѣмъ бо̀льшую массу производительныхъ силъ онъ приводитъ въ движеніе: пролетарій крупной фабрики представляетъ — при прочихъ равныхъ условіяхъ — бо̀льшую соціальную величину, чѣмъ ремесленный рабочій, пролетарій города — бо̀льшую величину, чѣмъ пролетарій деревни. Другими словами, политическая роль пролетаріата тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе крупное производство господствуетъ надъ мелкимъ, индустрія — надъ земледѣліемъ, городъ — надъ деревней.

Если мы возьмемъ ту эпоху исторіи Германіи или Англіи, когда ея пролетаріатъ составлялъ такую же долю націи, какую теперь составляетъ пролетаріатъ Россіи, то мы увидимъ, что онъ не только не игралъ, но по своему объективному значенію и

не могъ играть той роли, какую теперь играетъ нашъ рабочій классъ.

Это же самое, какъ мы видѣли, можно сказать относительно роли города. Когда городское населеніе составляло въ Германіи лишь 15%, какъ у насъ, тогда и рѣчи не могло быть о такой роли германскихъ городовъ въ общей экономической и политической жизни страны, какую играютъ наши города. Сосредоточеніе крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ учрежденій въ городахъ и соединеніе городовъ съ провинціей системой желѣзныхъ дорогъ дали городамъ значеніе, далеко превосходящее простой объемъ ихъ населенія, причемъ ростъ ихъ значенія далеко обгонялъ ростъ численности ихъ населенія, въ то время, какъ ростъ ихъ жителей, въ свою очередь, обгонялъ естественный приростъ всего населенія . . . Если въ Италіи, въ 48 году, число ремесленниковъ — не только пролетаріевъ, но и самостоятельныхъ хозяевъ — составляло около 15% всего населенія, т.-е. не меньше чѣмъ ремесленниковъ и пролетаріевъ въ нынѣшней Россіи, то роль ихъ была несравненно ниже роли русскаго промышленнаго пролетаріата.

Изъ всего сказаннаго ясно, что предопредѣлять, какую часть всего населенія долженъ составить пролетаріатъ къ моменту завладѣнія государственной властью, значитъ заниматься безплодной работой. Вмѣсто этого мы приведемъ нѣсколько примѣрныхъ данныхъ, чтобъ показать, какую часть населенія составляетъ пролетаріатъ въ настоящее время въ передовыхъ странахъ.

Въ 1895 г. въ Германіи изъ общаго числа $20^1/_2$ милліоновъ промысловаго населенія (не считая арміи, государственныхъ чиновниковъ и лицъ безъ опредѣленныхъ занятій) на долю пролетаріата приходилось $12^1/_2$ милліоновъ (считая наемныхъ рабочихъ земледѣлія, индустріи, торговли, а также домашнюю при-

слугу); собственно земледѣльческихъ и промышленныхъ рабочихъ насчитывалось 10 3/4 мил. Что касается остальныхъ 8 милліоновъ душъ, то изъ нихъ очень многіе по существу являются пролетаріями (домашняя индустрія, работающіе члены семей и пр.). Число наемныхъ рабочихъ только въ земледѣліи охватывало 5 3/4 милліона. Все сельское населеніе составляло около 36% населенія страны. Эти цифры, повторяемъ, относятся къ 1895 году. За протекшія 11 лѣтъ произошли, безспорно, огромныя измѣненія — и въ общемъ въ одномъ направленіи: отношеніе городского населенія къ сельскому увеличилось (въ 1882 г. сельское населеніе составляло 42%), увеличилось отношеніе всего пролетаріата ко всему населенію, индустріальнаго пролетаріата — къ сельскохозяйственному, наконецъ, на каждаго индустріальнаго пролетарія приходится больше производительнаго капитала, чѣмъ въ 1895 г. Но и данныя 95 года показываютъ, что германскій пролетаріатъ давно уже составляетъ господствующую производительную силу страны.

Бельгія съ ея семимилліоннымъ населеніемъ представляетъ собою чисто индустріальную страну. На 100 лицъ, занятыхъ какой-либо профессіональной дѣятельностью, 41 приходится на долю промышленности въ тѣсномъ смыслѣ и лишь 21 на долю земледѣлія. На три слишкомъ милліона душъ самодѣятельнаго населенія приходится около 1 800 000 душъ пролетаріата; т. е. около 60%. Эти числа стали бы еще краснорѣчивѣе, еслибы къ рѣзко дифференцированному пролетаріату присоединить родственные ему соціальные элементы: производителей, «самостоятельныхъ» по формѣ, но въ дѣйствительности закабаленныхъ капиталу, мелкихъ чиновниковъ, солдатъ и т. п.

Но первое мѣсто въ смыслѣ индустріализаціи хозяйства и пролетаризаціи населенія принадлежитъ

безспорно Англіи. Въ 1901 г. число лицъ, занятыхъ въ сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ и въ рыболовствѣ составляло 2,3 милліона, тогда какъ индустрія, торговля и транспортъ охватывали 12,5 милліоновъ душъ.

Такимъ образомъ, въ главныхъ европейскихъ странахъ городское населеніе главенствуетъ надъ сельскимъ по своей численности. Но главенство его неизмѣримо выше не только по массѣ представляемыхъ имъ производительныхъ силъ, но и по его личному качественному составу. Городъ отвлекаетъ къ себѣ наиболѣе энергичные, способные и интеллигентные элементы деревни. Показать это статистически трудно. Хотя косвенное подтвержденіе этому даетъ возрастный составъ городского и сельскаго населенія, имѣющій притомъ и самостоятельное значеніе. Такъ, въ 1895 г. въ Германіи считалось 8 мил. человѣкъ, занятыхъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ, и 8 мил., занятыхъ въ индустріи. Но если разбить населеніе по возрастнымъ группамъ, то окажется, что сельское хозяйство уступаетъ индустріи на милліонъ наиболѣе работоспособныхъ силъ въ возрастѣ 14—40 лѣтъ. Это показываетъ, что въ деревнѣ остается преимущественно «старый да малый».

Въ результатѣ всѣхъ приведенныхъ выше соображеній мы можемъ притти къ тому выводу, что экономическая эволюція — ростъ индустріи, ростъ крупныхъ предпріятій, ростъ городовъ, ростъ пролетаріата вообще и индустріальнаго въ особенности — уже подготовила арену не только для борьбы пролетаріата за государственную власть, но и для завоеванія этой власти.

3. Тутъ мы переходимъ къ третьей предпосылкѣ соціализма, къ диктатурѣ пролетаріата.

Политика — это та плоскость, гдѣ объективныя предпосылки пересѣкаются съ субъективными. На

ıочвѣ опредѣленныхъ техническихъ и соціально-экономическихъ условій классъ ставитъ себѣ сознательно опредѣленную задачу: завоеваніе власти, объединяетъ свои силы, взвѣшиваетъ силы противника, оцѣниваетъ обстоятельства.

Однако, и въ этой третьей области пролетаріатъ ıе абсолютно свободенъ; кромѣ субъективныхъ моıентовъ: сознательности, готовности, инициативы, которыя тоже имѣетъ логику своего развитія, пролетаріатъ сталкивается въ своей политикѣ съ цѣлымъ рядомъ объективныхъ моментовъ, каковы: политика господствующихъ классовъ, существующія государственныя учрежденія (армія, классовая школа, государственная церковь), международныя отношенія и пр.

Остановимся прежде всего на субъективномъ моментѣ — подготовленности пролетаріата къ соціалистическому перевороту.

Безспорно: недостаточно того, чтобы уровень техники дѣлалъ соціалистическое хозяйство выгоднымъ съ точки зрѣнія производительности общественнаго труда. Недостаточно и того, чтобы развившаяся на основѣ этой техники соціальная дифференціація создала пролетаріатъ, какъ главный по численности и хозяйственной роли классъ, объективно заинтересованный въ соціализмѣ. Нужно еще, чтобы этотъ классъ сознавалъ свой объективный интересъ. Нужно, чтобъ онъ понялъ, что для него нѣтъ выхода внѣ соціализма, нужно, чтобъ онъ сплотился въ армію, достаточно могущественную для завоеванія государственной власти въ открытой борьбѣ.

Было бы въ настоящее время нелѣпостью отрицать необходимость такой подготовки пролетаріата; только старые бланкисты могли надѣяться на спасительную инициативу заговорщической организаціи, сложившейся независимо отъ массъ, или ихъ антиподы — анархисты могутъ надѣяться на само-

произвольный стихійный взрывъ массъ, который н
извѣстно чѣмъ разрѣшится; соціалдемократія гов
ритъ о завоеваніи власти, какъ о сознательном
дѣйствіи революціоннаго класса.

Но многіе соціалисты-идеологи (идеологи в
дурномъ смыслѣ этого слова — изъ тѣхъ, что в
опрокидываютъ на голову) говорятъ о подготовк
пролетаріата къ соціализму въ смыслѣ его морал
наго перерожденія. Пролетаріатъ и даже вообщ
«человѣчество» должно предварительно совлечь с
себя свою старую эгоистическую природу, въ о
щественной жизни должны получить преобладані
побужденія альтруизма и пр. Такъ какъ въ наст
ящее время мы еще очень далеки отъ такого сост
янія, и такъ какъ «человѣческая природа» измѣняетс
крайне медленно, то наступленіе соціализма отодв
гается на рядъ столѣтій. Такой взглядъ кажетс
очень реалистическимъ, эволюціоннымъ и пр. Н
на самомъ дѣлѣ онъ весь созданъ изъ плоскихъ м
ралистическихъ соображеній.

Предполагается, что соціалистическая психологі
должна быть усвоена прежде, чѣмъ наступитъ с
ціализмъ; другими словами, предполагается, что н
основѣ капиталистическихъ отношеній возможно пр
вить массамъ соціалистическую психологію. Н
нужно при этомъ смѣшивать сознательнаго стремл
нія къ соціализму съ соціалистической психологіе
Послѣдняя предполагаетъ отсутствіе эгоистических
побужденій въ сферѣ экономической жизни; стремл
ніе же къ соціализму и борьба за него вытекают
изъ классовой психологіи пролетаріата. Какъ н
много точекъ соприкосновенія между классово
психологіей пролетаріата и безклассовой соціалист
ческой психологіей, но между ними еще цѣла
пропасть.

Совмѣстная борьба противъ эксплуатаціи п
рождаетъ въ душѣ рабочаго прекрасные ростк

идеализма, товарищеской солидарности, личнаго самоотреченія, — но въ то же время индивидуальная борьба за существованіе, вѣчно отверстая пасть нищеты, дифференціація въ рядахъ самихъ рабочихъ, давленіе темныхъ массъ снизу, развращающая дѣятельность буржуазныхъ партій — не позволяютъ этимъ прекраснымъ росткамъ развиться до конца.

Но суть въ томъ, что даже оставаясь мѣщански-эгоистичнымъ, не превышая своей «человѣческой» цѣнностью среднихъ представителей буржуазныхъ классовъ, средній рабочій на опытѣ жизни убѣждается, что его примитивнѣйшія желанія и естественнѣйшія потребности могутъ получить удовлетвореніе только на развалинахъ капиталистическаго строя.

Идеалисты представляютъ себѣ то отдаленное будущее поколѣніе, которое сподобится соціализма, совершенно такъ же, какъ христіане представляютъ себѣ членовъ первыхъ христіанскихъ общинъ.

Какова бы ни была психологія первыхъ прозелитовъ христіанства — изъ Дѣяній апостольскихъ мы знаемъ, что бывали случаи утайки своего имущества отъ общины, — но во всякомъ случаѣ христіанство при дальнѣйшемъ своемъ распространеніи не только не переродило души всего народа, но само переродилось, матеріализировалось и бюрократизировалось, отъ братскаго наставничества перешло къ папизму, отъ странническаго нищенства — къ монастырскому паразитизму, словомъ, не только не подчинило себѣ соціальныхъ условій той среды, въ которой распространялось, но само подчинилось имъ. И это произошло не вслѣдствіе неловкости или корысти отцовъ и учителей христіанства, а вслѣдствіе неотразимыхъ законовъ зависимости человѣческой психологіи отъ условій общественнаго труда и существованія. И эту зависимость показали на самихъ себѣ отцы и учителя христіанства.

Еслибъ соціализмъ думалъ создать новую че ловѣческую природу въ рамкахъ стараго общества онъ былъ бы только новымъ изданіемъ моралисти ческихъ утопій . . . Соціализмъ ставитъ своей за дачей не созданіе соціалистической психологіи, как предпосылки соціализма, а созданіе соціалисти ческихъ условій жизни, какъ предпосылки соціали стической психологіи.

---

8. Рабочее правительство въ Россіи и соціализмъ

Выше мы показали, что объективныя пред посылки соціалистической революціи уже создан экономическимъ развитіемъ передовыхъ капиталисти ческихъ странъ. Но что можно въ этомъ отношені сказать относительно Россіи? Можно ли ожидать что переходъ власти въ руки русскаго пролетаріат будетъ началомъ преобразованія нашего националь наго хозяйства на соціалистическихъ началахъ?

Годъ тому назадъ мы слѣдующимъ образом отвѣчали на эти вопросы въ статьѣ, подвергшейся жестокому обстрѣлу со стороны органовъ обѣих фракцій нашей партіи.

«Парижскіе рабочіе, говоритъ Марксъ, не тре бовали отъ Коммуны чудесъ. Нельзя ждать мгно венныхъ чудесъ отъ диктатуры пролетаріата и те перь. Государственная власть не всемогуща. Не лѣпо было бы думать, что стоитъ пролетаріату полу чить власть — и онъ путемъ нѣсколькихъ декретов замѣнитъ капитализмъ соціализмомъ. Экономическі строй не есть продуктъ дѣятельности государства Пролетаріатъ сможетъ лишь со всей энергіей при мѣнять государственную власть для того, чтобь облегчить и сократить путь хозяйственной эволюці въ сторону коллективизма.

Пролетаріатъ начнетъ съ тѣхъ реформъ, которыя входятъ въ такъ называемую программу-minimum

— и непосредственно отъ нихъ, самой логикой своего положенія, вынужденъ будетъ переходить къ коллективистской практикѣ.

Ввести 8-часовой рабочій день и подоходный налогъ съ быстро возрастающей прогрессіей будетъ сравнительно простымъ дѣломъ, хотя и здѣсь центръ тяжести лежитъ не въ изданіи «акта», а въ организаціи его практическаго проведенія. Но главная трудность — и вотъ переходъ къ коллективизму! — будетъ состоять въ организаціи производства за государственный счетъ въ тѣхъ фабрикахъ и заводахъ, которые будутъ закрыты владѣльцами въ отвѣтъ на изданіе этихъ актовъ.

Издать законъ объ уничтоженіи права наслѣдства и провести этотъ законъ на практикѣ будетъ опять-таки сравнительно простымъ дѣломъ; наслѣдства въ формѣ денежнаго капитала тоже не затруднятъ пролетаріата и не обременятъ его хозяйства. Но выступить наслѣдникомъ земельнаго и промышленнаго капитала значитъ для рабочаго государства взять на себя организацію хозяйства за общественный счетъ.

То же самое, но въ болѣе широкомъ объемѣ, слѣдуетъ сказать объ экспропріаціи — съ выкупомъ или безъ выкупа. Экспропріація съ выкупомъ представляетъ политическія выгоды, но финансовыя затрудненія; экспропріація безъ выкупа представляетъ финансовыя выгоды, но политическія затрудненія. Но выше тѣхъ и другихъ затрудненій будутъ трудности хозяйственныя, организаторскія.

Повторяемъ: правительство пролетаріата не означаетъ правительства чудесъ.

Обобществленіе производства начнется съ тѣхъ отраслей, которыя представятъ наименьше затрудненій. Въ первый періодъ обобществленное производство будетъ представлять собой оазисы, связанные съ частными хозяйственными предпріятіями законами

товарнаго обращенія. Чѣмъ шире будетъ поле, уже захваченное обобществленнымъ хозяйствомъ, тѣмъ очевиднѣе будутъ его выгоды, тѣмъ прочнѣе будетъ себя чувствовать новый политическій режимъ, тѣмъ смѣлѣе будутъ дальнѣйшія хозяйственныя мѣропріятія пролетаріата. Въ этихъ мѣропріятіяхъ онъ сможетъ и будетъ опираться не только на національныя производительныя силы, но и на интернаціональную технику, подобно тому, какъ въ своей революціонной политикѣ онъ опирается не только на опытъ національныхъ классовыхъ отношеній, но и на весь историческій опытъ международнаго пролетаріата.»

Политическое господство пролетаріата несовмѣстимо съ его экономическимъ рабствомъ. Подъ какимъ бы политическимъ знаменемъ пролетаріатъ ни оказался у власти, онъ вынужденъ будетъ стать на путь соціалистической политики. Величайшей утопіей нужно признать мысль, будто пролетаріатъ, поднятый на высоту государственнаго господства внутренней механикой буржуазной революціи, сможетъ, если даже захочетъ, ограничить свою миссію созданіемъ республиканско-демократической обстановки для соціальнаго господства буржуазіи. Политическое господство пролетаріата, хотя бы и временное, крайне ослабитъ сопротивленіе капитала, всегда нуждающагося въ поддержкѣ государственной власти, и придастъ грандіозные размѣры экономической борьбѣ пролетаріата. Рабочіе не смогутъ не требовать отъ революціонной власти поддержки стачечниковъ, и правительство, опирающееся на пролетаріатъ, не сможетъ въ такой поддержкѣ отказать. Но это значитъ парализовать вліяніе резервной арміи труда, сдѣлать рабочихъ господами не только въ политической, но и въ экономической области, превратить частную собственность на средства производства въ фикцію. Эти неизбѣжныя соціально-экономическія послѣдствія диктатуры пролетаріата проявятся

немедленно — гораздо раньше, чѣмъ будетъ закончена демократизація политическаго строя. Грань между «минимальной» и «максимальной» программой стирается, какъ только у власти становится пролетаріатъ.

Пролетарскій режимъ на первыхъ же порахъ долженъ будетъ приняться за разрѣшеніе аграрнаго вопроса, съ которымъ связанъ вопросъ о судьбѣ огромныхъ массъ населенія Россіи. Въ рѣшеніи этого вопроса, какъ и всѣхъ другихъ, пролетаріатъ будетъ исходить изъ основного стремленія своей экономической политики: овладѣть какъ можно большимъ полемъ для организаціи соціалистическаго хозяйства, — причемъ формы и темпъ этой политики въ аграрномъ вопросѣ должны опредѣляться какъ тѣми матеріальными рессурсами, которыми сможетъ овладѣть пролетаріатъ, такъ и необходимостью располагать свои дѣйствія такъ, чтобъ не отталкивать въ ряды контръ-революціонеровъ возможныхъ союзниковъ.

Само собою разумѣется, что аграрный вопросъ, т.-е. вопросъ о судьбѣ земледѣльческаго хозяйства и его общественныхъ отношеній, вовсе не покрывается земельнымъ вопросомъ, т.-е. вопросомъ о формахъ земельной собственности. Но несомнѣнно, что рѣшеніе земельнаго вопроса, если и не предрѣшитъ аграрной эволюціи, то предрѣшитъ аграрную политику пролетаріата; другими словами, то назначеніе, которое пролетарскій режимъ дастъ землѣ, должно быть связано съ его общимъ отношеніемъ къ ходу и потребностямъ сельско-хозяйственнаго развитія. Поэтому земельный вопросъ станетъ въ первую очередь.

Одно изъ рѣшеній, которому соціалисты-революціонеры придали далеко не безупречную популярность, это соціализація всей земли; будучи освобождена отъ европейскаго грима, она означаетъ не

что иное, какъ «уравнительное землепользованіе»
или Черный Передѣлъ. Программа уравнительнаг
передѣла предполагаетъ, такимъ образомъ, экспро
пріацію всѣхъ земель — не только частновладѣль
ческихъ вообще, не только частновладѣльческихъ
крестьянскихъ, но и общинныхъ. Если принять в
вниманіе, что эта экспропріація должна быть про
ведена съ первыхъ шаговъ новаго режима, при пол
номъ еще господствѣ товарно-капиталистических
отношеній, то окажется, что первыми «жертвами
экспропріаціи окажутся или, вѣрнѣе, почувствуют
себя крестьяне. Если принять во вниманіе, чт
крестьяне въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій вы
плачивали выкупные платежи, которые должн
были превратить надѣльную землю въ ихъ собствен
ность; если принять во вниманіе, что отдѣльные болѣ
зажиточные крестьяне, несомнѣнно, при помощ
большихъ жервъ, принесенныхъ еще живущимъ по
колѣніемъ, пріобрѣли въ собственность огромну
площадь земли, — то легко себѣ представить, како
сопротивленіе вызоветъ отчужденіе общинныхъ
мелкихъ частновладѣльческихъ участковъ въ госу
дарственную собственность! Идя такимъ путемъ
новый режимъ началъ бы съ того, что возстановил
бы противъ себя огромныя массы крестьянства.

Во имя чего общинные и мелкіе собственническі
участки будутъ превращены въ государственную соб
ственность? Чтобъ тѣмъ или другимъ путемъ пре
доставить ее для «уравнительной» хозяйственно
эксплуатаціи всѣмъ земледѣльцамъ, въ томъ числ
и нынѣшнимъ безземельнымъ крестьянамъ и батра
камъ. Такимъ образомъ, въ хозяйственномъ отно
шеніи новый режимъ ничего не выиграетъ отъ экспро
пріаціи мелкихъ и общинныхъ участковъ, такъ как
и послѣ передѣла государственная или общественна
земля поступитъ въ частно-хозяйственную обработку
Въ политическомъ же отношеніи новый режим

сдѣлаетъ величайшій промахъ, такъ какъ сразу враждебно противопоставитъ крестьянскую массу городскому пролетаріату, какъ руководителю революціонной политики.

Далѣе. Уравнительное распредѣленіе предполагаетъ законодательное воспрещеніе примѣненія наемнаго труда. Уничтоженіе наемнаго труда можетъ и должно быть слѣдствіемъ хозяйственныхъ реформъ, но не можетъ быть предрѣшено юридическими запретами. Недостаточно запретить земледѣльцу-капиталисту нанимать рабочихъ, нужно предварительно создать для безземельныхъ батраковъ возможность существованія — притомъ существованія раціональнаго съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія. Между тѣмъ, при программѣ уравнительнаго землепользованія воспретить примѣненіе наемнаго труда значитъ, съ одной стороны, обязать безземельныхъ батраковъ сѣсть на клочекъ земли, значитъ, съ другой стороны, для государства обязаться снабдить этого батрака необходимымъ инвентаремъ для его общественно-нераціональнаго производства.

Разумѣется, вмѣшательство пролетаріата въ организацію сельскаго хозяйства начнется не съ прикрѣпленія разрозненныхъ работниковъ къ разрозненнымъ клочкамъ земли, а съ эксплуатаціи крупныхъ имѣній за государственный или коммунальный счетъ.

Только въ томъ случаѣ, если такое обобществленное производство станетъ прочно на ноги, процессъ дальнѣйшей соціализаціи сможетъ быть двинутъ впередъ воспрещеніемъ примѣненія наемнаго труда. Этимъ путемъ сдѣлается невозможнымъ мелкое капиталистическое земледѣліе, но останется еще поле для продовольственныхъ и полу-продовольственныхъ хозяйствъ, насильственная экспропріація которыхъ никоимъ образомъ не входитъ въ планы соціалистическаго пролетаріата.

Во всякомъ случаѣ пролетаріатъ никоимъ обра-

зомъ не сможетъ принять къ руководству программу «уравнительнаго распредѣленія», которая, съ одной стороны, предполагаетъ безцѣльную, чисто формальную экспропріацію мелкихъ собственниковъ, съ другой стороны, требуетъ вполнѣ реальнаго раздробленія крупныхъ имѣній на мелкія части. Такая политика, будучи непосредственно хозяйственно-расточительной, имѣла бы въ своей основѣ реакціонно-утопическую заднюю мысль и сверхъ всего политически ослабила бы революціонную партію.

Но какъ далеко можетъ зайти соціалистическая политика рабочаго класса въ хозяйственныхъ условіяхъ Россіи? Можно одно сказать съ увѣренностью: она натолкнется на политическія препятствія гораздо раньше, чѣмъ упрется въ техническую отсталость страны. Безъ прямой государственной поддержки европейскаго пролетаріата рабочій классъ Россіи не сможетъ удержаться у власти и превратить свое временное господство въ длительную соціалистическую диктатуру . . .

Соціально-политическая библіотека.

	м.	пф.
1. **А. Мартыновъ.** Историческій очеркъ нашихъ порядковъ	2	—
2. **А. Ельницкій.** Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи	1	50
3. **Л. Троцкій.** Перспективы русской революціи	1	50
4. **С. Бахъ.** Царь-Голодъ. Популярные экономическіе очерки	2	—